

[Polaris]

Аркадий
БУХОВ

ЧЕЛОВЕК
В САВАНЕ

Уголовные
рассказы

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CCLXI

Salamandra P.V.V.

**Аркадий
БУХОВ**

**ЧЕЛОВЕК
В САВАНЕ**

Уголовные
рассказы

Salamandra P.V.V.

Бухов А. С.

Человек в саване: Уголовные рассказы. Сост. и подг. текста М. Фоменко. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2018. — 120 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCLXI).

В книге впервые собраны детективные и уголовные рассказы знаменитого юмориста-«сатириконца», сатирика и фельетониста А. Бухова (1889-1937). Большая часть их была опубликована в малодоступных сегодня журналах и оставалась до сих пор неизвестна читателю.

© Author, estate, 2018

© М. Fomenko, сост., подг. текста, 2018

© Salamandra P.V.V., оформление, 2018

ЧЕЛОВЕК В САВАНЕ

Уголовные
рассказы

ДИКИЙ СЛУЧАЙ

Илл. Н. Герардова

Господа судьи и господа присяжные заседатели! В ночь на... тысяча девятьсот одиннадцатого года, на одной из окраинных улиц нашего города, убит Арнольд-Иоганн Штрейн, человек неопределенной профессии.

Убийца его — приват-доцент здешнего университета, Арсений Сергеевич Линев, здесь пред вами на скамье подсудимых. Через несколько часов после того, как от его пули умер Штрейн, он сам заявил в полицейском участке о свершившемся факте, причем полицейский протокол констатирует, что заявление свое подсудимый Линев делал с лицом почти веселым, голосом не дрожащим, и никакого угрызения совести, видимо, не чувствовал. Назвать причину убийства отказался.

Будучи задержан, просил, чтобы ему разрешили послать домой за книгами — томиком стихов Бодлера, каким-то бульварным романом и непереверденным историческим исследованием.

Установлено, что подсудимый Линев совершенно нормален, как умственно, так и физически. Наследственность прекрасная. Личной неприязни к Штрейну не имел, познакомился с ним всего за несколько дней до убийства. Судя по тому, что большие деньги, бывшие при убитом, и золотые часы совершенно не тронуты — об убийстве с целью грабежа говорить не приходится.

Все знающие Линева дали о нем самые блестящие отзывы. Пред ним раскрывалась блестящая профессорская карьера — несмотря на свои двадцать шесть лет, он успел уже написать ценную книжку о крепостном праве. Все мнения о нем сходятся на том, что Линев очень добрый, отзывчивый человек, и что его жизнь должна быть очень хорошей.

Через несколько недель он должен был жениться на милой, красивой девушке, любящей его, и к которой он, судя по его словам, и сам был сильно привязан...

Господа присяжные заседатели! Вы должны понять, что если сопоставить все эти факты с нелепым, чудовищным убийством незнакомого человека Штрейна — мы очутимся на краю какой-то непонятной, глубокой и, я сказал бы да-

же, ужасной тайны... Если бы вы захотели оправдать или обвинить Линева, пользуясь только тем, что вам дал обвинительный акт — вы должны были бы слепо произнести свой приговор... Тяжело было бы и мое положение защитника, которому ничего нельзя сказать в защиту интеллигентного, сознательно действующего человека — убивающе-

го безоружного, ни в чем не повинного Штрейна... Но случилось одно обстоятельство, которое должно несколько вытолкнуть судебное разбирательство из его обычных рамок... Сегодня утром мне был доставлен дневник обвиняемого Линева, доведенный им до последнего момента — послед-

няя дата, — за два часа до убийства... Полиция, которая производила обыск, просто затеряла дневник, как это часто бывает при наших порядках; точно установлено, что весь дневник написан, действительно, Лицевым, и я, пользуясь полученным разрешением господина председателя, хочу огласить его, чтобы пролить хоть частицу света на ту дикую тайну, которая сплела молодого, подающего надежды приват-доцента с окровавленным трупом мещанина Штрейна.

Ваш приговор будет — после. Теперь и оправдание и обвинение должны отойти на задний план. Сейчас дается дорога факту.

Первая запись дневника — всего несколько небольших страничек — от **второго марта**.

«Странно, — за всю свою жизнь, даже в самое подходящее для этого время, я никогда не вел дневника, и вот теперь вдруг начал. Немного смешно, но если бы, впрочем, этот дневник не был бы, в свою очередь, документом для моего глупого пари, ей-Богу, я кончил бы его на шестой строчке... Ну ладно, перед собой оправдываться нечего. Лучше буду излагать все по порядку.

Вчера вечером справляли рождение Кольки. Он славный парень и, правда, мне порой приятно, что у моей будущей жены такой честный и душевно-сильный брат. Да и сама Женя его, наверное, любит не меньше, чем меня.

Может быть, потому, что я далеко не противник абрикотина и доброго душистого крушона, и никогда не оставляю без внимания их присутствие столе — некоторые детали вчерашнего вечера представляются мне немного в тумане, но все-таки многое помню хорошо.

Вот что говорил Колькин приятель Нозман, маленький черный человечек с лицом плутоватого ассирийца.

— Всякая привязанность, всякая любовь, — говорил он, — есть самовнушение. Изо дня в день, из минуты в минуту, вы внушаете себе, что ваша Соня, Таня, Катя, Гризельда, Изабелла и так далее дорога для вас, что она лучше всех, что вы не можете без нее жить, что она для вас все... Происходит своего рода самовнушение, под которым

вы все время ходите в продолжение всей вашей любви... Ослабнет гипноз, вы перестаете уверять себя в том, что эта женщина для вас все — кончается всякая иллюзия, всякая любовь...

Лучший пример для этого тот факт — что люди умственно развитые, с мягкой душой, как более легко поддающиеся этому самогипнозу, любят гораздо дольше, тоньше, глубже... Какой-нибудь мясник, грубый, чувственный, ум которого не может создать такого всепоглощающего гипноза, любит не тонко, скоро может забыть, любит грубо...

Нозману кто-то возражал, но, до известной степени, этот неприятный ассириец прав. Конечно, прав... Если бы всякий влюбленный смог бы хоть три-четыре дня ни секунды не думать о своей страсти — разве не полетели бы одни только клочья от всей этой влюбленности? Конечно...

Но вот дальше Нозман загнал и себя, и нас в дебри таких построений, что хоть святых вон выноси.

— А если это так, — с достаточно противной насмешливой улыбкой продолжал он свою теорию, — если любовь — самогипноз, то ее прекрасно можно и внедрить, и разогнать, то есть, просто-напросто, если вы поддадитесь влиянию какого-нибудь гипнотизера или внушителя, то он может вас заставить полюбить или ненавидеть любого человека, в данном случае — женщину... Как? Очень просто. Точно таким же способом, как он вас, загипнотизированного, заставляет перенести куда-нибудь кусочек бумажки, зажечь спичку или поцеловать кого-нибудь в лоб... Только на это несколько лишних сеансов потребуется, и больше ничего...

Помню, что, когда Нозман кончил говорить, он довольно нагло улыбнулся и закурил папироску.

Мне ужасно был противен его самоуверенный тон.

Я посмотрел на Женю. Милую, славную, такую сердечно-теплую Женю... Она сидела в уголке, где-то около этажерки, и внимательно слушала. Хотел бы я посмотреть, как какой-нибудь шарлатан-гипнотизер внушил бы мне, что я не люблю Женю... Вышло бы из этого что-нибудь? Это было так нелепо, что я даже засмеялся вслух и довольно громко.

Нозман покраснел.

— Вы надо мной? — зло спросил он меня.

Я хотел ему ответить какой-нибудь пустой, примиряющей фразой, но, когда взглянул на огонь непонятной для меня злобы в его глазах — меня что-то подтолкнуло сказать ему:

— Да. Над вами... Над вашей милой теорией, по которой любой провинциальный фокусник может заставить меня полюбить вашу кухарку и бросить жену... Знаете, откровенно говоря, такие типы, открыв брачную контору, могли бы быть миллионерами... Каму бы не захотелось за несколько десятков рублей устроить личные сердечные делишки... И тем более, что есть еще довольно... ну, положим, наивных людей, которые верят всему этому...

Лицо Нозмана сделалось совершенно багровым.

— У вас логика, кажется, ушла со двора, — грубо оборвал он меня..

Все с удивлением посмотрели на него... Мне бы, собственно, нужно было промолчать, но я не менее грубо отпарировал удар.

— Ничего, знаете, она вернется... А вот как вы обойдетесь со своей логикой, которая, судя по вашим теориям, ищет заработка на улице — не знаю...

— Вы — болван! — крикнул Нозман.

— Мерзавец! Я ударю вас, — закричал я.— Дурак!

Все повскакали с мест. Нас развели по разным сторонам. Через несколько минут Нозман подошел ко мне и сказал:

— Может быть, я виноват, но после ваших слов я должен или ударить вас, или драться с вами — но вряд ли это докажет чью-нибудь правоту. Я предлагаю вам более необычный выход, чтобы доказать свою правоту. Вы знаете Штрейна? Знаете? Хорошо. Вы знаете также, конечно, что он один из лучших гипнотизеров в России. Теперь он занимается какой-то глупостью, кажется, открыл переплетную, а раньше он гремел повсюду... Если вы хотите действительно убедиться в правоте моих умозаключений, сходите к этому Штрейну и передайте ему о нашем споре... Пусть

он согласится внушить вам, что вы не любите свою невесту, — и Нозман кивнул головой на Женю, — и если за пять или за шесть сеансов ему это не удастся, вы можете требовать от меня все, что хотите...

— Но ведь это, простите... глупо, — смущенно пробормотал я.

— Вы отказываетесь от пари?

— Соглашайтесь, соглашайтесь, — раздалось со всех сторон, — это любопытно. Конечно, сходите...

Я посмотрел на Женю. Она, видимо, еле сдерживала смех и взглядом кинула мне согласие.

Я тоже засмеялся.

— Хорошо. Я согласен. Пари принято.

— Ура! Ура! — закричало несколько голосов. — Принято.

Через несколько минут ссора была похоронена. Примирил всех великолепный крюшон...

Пишу это ночью, возвращаясь от Кольки. Странная, нелепая история. Придется ведь завтра идти к этому, как его, Нейману, Вейману, что ли...

3 марта. Днем.

Была Женя. Только что. Милая, милая. Ей-Богу, когда я около нее, мне, как какому-нибудь бронированному средневековому болвану, хочется подвигов, боев, чудесных случаев, только для того, чтобы показать, как я ее люблю.

И вдруг какой-то гипнотизер... Глупо. А все-таки придется идти... Завтра пойду.

3 марта. Вечером. Читал одну книжицу о гипнотизме. Читал, как один немецкий учитель зарезал под влиянием гипноза свою сестру. Неужели это такая сила? Чепуха! Завтра пойду.

4 марта. До двух часов ждал Женю. Боже мой, как я не люблю, когда она не приходит. В эти минуты, когда после назначенного срока потянется время — прямо убил бы себя — такой я несносный... Ждешь-ждешь... Каждый звонок, каждый стук — все это нервирует, волнует... Не пришла...

Неужели не любит... Пустяки. А как я люблю ее. Правда — я не убеждаю себя в этом. Это не самогипноз. Это я чувствую, да, чувствую. Завтра к Штрейну. Пусть попробует.

5 марта. Был у Штрейна. Дико все это. Принял меня сначала сухо. Долго не соглашался, но когда я рассказал ему все — ужасно заинтересовался... Только какое у него злое лицо. Как у Нозмана. Словно змея, которой наступили на голову. И глаза змеиные.

Сеанс был недолгий.

Комната, в которой меня принял Штрейн, какая-то полутемная конура. На полу листы бумаги, картон, кисти. Окна запылены. Потолок грязный. Мебели всего два стула. На один из них Штрейн посадил меня, на другой сел сам. Близко-близко от меня. От его засаленного пиджака и изо рта скверно пахло. Лицо у него сухое, морщинистое. Бровей почти нет. Нос с характерной горбиной и с легким переломом. Подбородок острый. Такими в уголовных романах обыкновенно бывают преступники... Взял за руку.

— Смотрите мне в глаза.

Я стал смотреть. Пристально. Зеленые, неприятные глаза. Как два кусочка болота с трясинной. Куда-то уходят вдаль. Было неприятно. Мои глаза слезились. Потом стали тяжелыми веки. Я несколько раз мигнул. Вспомнил Женю. Хотел улыбнуться — не мог. Штрейн наклонился почти к самому лицу, положил руку на лоб. Рука тяжелая-тяжелая, и от ее прикосновения делалось мутно в голове... Больше ничего не помню. Сколько я проспал — не знаю. Разбудил меня Штрейн, как он говорил, не скоро. Когда я открыл глаза, он испуганно тряс меня за плечо.

— Встаньте, — властно говорил он. — Встаньте!

Мы простились.

— Завтра жду вас. До свидания.

В голове было тяжело.

Вечером. Мутно что-то. Только что была Женя. Мне как-то неловко перед ней, как будто бы я делаю что-то нехорошее. Против нее...

Ничего не хочется делать. И спать не хочется. Лягу...

6 марта. День. Ждал Женю. Сегодня даже не волновался — до того как-то тупо и тяжело на душе от этого вчерашнего сеанса. Боже мой, какая глупость...

Ночью. Сегодня сеанс был дольше. Штрейн ходил около меня и радостно потирал руки. Какое у него хищное лицо...

— Старинку вспоминаю, — чему-то смеясь, говорил он мне. — Много я заставлял делать своих пациентов, была сила...

Сегодня я уснул почти моментально. Только что наши глаза встретились, как я сразу это почувствовал — характерное отяжеление век... У него глаза как винты, сверлят и проникают в душу... Странное состояние. Ничего-ничего-ничего не чувствуешь. Ничего не помнишь...

Должен был по дороге зайти к Жене — не смог: опять та же тяжесть на душе... Никого не хочется видеть.

7 марта. Сегодня был у Штрейна с утра. Он словно издевается надо мной, перед тем, как усыпить, ходит, смеется... Боже мой, что он внушает мне? А вдруг... Во всяком случае, для моих нервов это вещь не совсем полезная... Я чувствую в себе присутствие какой-то другой силы, помимо моей воли. Чья-то чужая сила... А правда ведь, — это страшно.

Сегодня приходила Женя, а меня не было дома. Наверное, обиделась. Только ей-Богу же, я не могу — так что-то тяжело.

8 марта. Был у Штрейна.

9 марта. Был.

10 марта. Глупая Женя! Прислала записку... Как девочка! Неужели же можно заключить из того, что я два дня не был у нее, что я не люблю ее... Завтра надо сходить...

Что-то тяжело. Сегодня хотел работать — не могу. Пришлось убежать к Штрейну... Усыпляет он меня теперь ментально... Все-таки он какая-то гадина...

11 марта. Боже мой, какой я все-таки мерзавец. За что я обидел сегодня Женю... Сегодня она была у меня — такая ласковая. Заговорила о Штрейне, назвала его шарлатаном. Конечно, она права, но я стал возражать. Она заплакала. Я схватил шапку и вышел из комнаты. Зачем я сделал — не знаю... Глупо, гадко, гадко...

12 марта. Штрейн говорит, что я очень хороший пациент. Спрашивал, вижу ли я с Женей. Зачем ему? Что-то ответил...

Сегодня я проспал у него больше часа. Когда я проснулся, он стоял около меня бледный, измученный. Говорил, что сегодня он на меня потратил всю свою волю... Шарлатан...

13 марта. Опять, опять. Какая я свинья. Встретился с Женей. Хотел ее поцеловать, но вспомнил о нашей ссоре и остановился. Говорила о том, что я не прихожу. Хотел рассказать, но вдруг что-то толкнуло сказать ей грубость. Назвал ее мещанкой. Плакала. Хотел приласкать, уговорить — и не мог... Господи, я, кажется, не себе принадлежу... Кто-то говорит, делает, живет за меня...

Неужели?..

14 марта. Была Женя. Сегодня, когда она хотела меня поцеловать, я в первый раз заметил, что у нее немного гнилые зубы и левая щека в веснушках. Может быть, это пустяки, но мне как-то стало неловко за нее...

Не ссорились, но молчали...

15 и 16 марта. Был у Штрейна. Меня к нему что-то тянет. Ни разу не пропустил... Какой он противный.

17 марта. Какой ужас... Была Женя... Неужели опять одиночество, неужели опять пустая комната и голые стены...

Я чувствую, что люблю Женю, но не так, чтобы можно было вместе с ней сделать себе настоящую жизнь. Я уважаю ее, она хорошая, добрая... Она может быть прекрасным другом, но — этого мало... Я чувствую, что после нескольких интимных, близких минут — она мне станет противной...

Ночью. Даже спать не могу... Тяжело, тяжело. Как камень вместо сердца. Чужая душа во мне. Как болезнь. Скорей бы утро... Побегу к Штрейну — пусть усыпляет. Только с ним я чувствую себя не так...

18 марта. Я готов с ума сойти... Боже, как тяжело. Получил от Жени записку, чтобы пришел — не могу идти. Не могу. Понимаете — не могу. Идти и целовать ее в холодные липкие губы и веснушчатое лицо? Не пойду... Я чувствую, что я обязан перед ней. Ведь она же невеста... Ну, что же делать — пусть требует от меня всего, что хочет — а я не могу...

19 марта. Если бы я был религиозен, я бы молился... Я бы по целым часам стоял в часовнях и у церквей... Неужели вся эта тяжесть на душе от проклятых сеансов Штрейна? Чтобы он издох тогда, проклятый гад...

А что, если бы действительно?..

Ночь. 3 часа. А что, если бы действительно Штрейна вдруг не стало? Автомобилем бы переехало... К кому бы я тогда старался убежать, о ком бы я тогда думал?

20 марта. Сегодня на сеансе так и хотелось ударить Штрейна стулом по голове... Я чувствую, что во мне воля этой гадины. Он медленно душит меня — и если бы не стало его, не стало бы и этой воли. Не стало бы...

Вечер. Сегодня хотел пойти к Жене. Я чувствую, что я люблю ее, но стоит мне увидеть ее, как у меня вырастает

волна какого-то озлобления на нее... Проклятый Штрейн, это твоих рук дело...

21 марта. А что, если бы Штрейна не стало?.. Вдруг бы его нашли с расколотым черепом?.. Вдруг бы...

22 марта. Мерзость и гадость... Сегодня во время ссоры я, интеллигентный, чуткий человек, приват-доцент Линева, ударил Женю. По лицу кулаком. Ударил, и чувствовал такое злорадство. А душа так болела, так болела... Господи, куда я иду... Спаси меня, Господи...

23 марта. Сегодня видел во сне, будто кто-то убил Штрейна. Кто-то... И вдруг я почувствовал себя легко-легко. И

Женя была тут же. Подарила мне кашне...

24 марта. Не могу... Не могу... Я — не свой. Во мне — Штрейн. Он мучает меня, душит. Я, я сам, я должен убить его, чтобы выбросить из себя его окаянную змеиную волю. Это так...

25 марта. Понял, понял. Да, я должен это сделать. Вот сейчас, когда я придумал это, мне сразу стало легко. Я чувствую, что с того момента, когда кончится его жизнь, кончится его власть надо мной, кончится эта чужая холодная сила во мне... Иначе я не могу жить. Или себя, или его — но я должен убить. Вдруг я свободен от его глаз, от его мыслей — снова... Каторга, оправдание — все равно. Разве можно жить с тем, с чем я живу сейчас... Ведь это хуже смерти. И своей, и его...

26 марта. Пил... Много пил. Мучительно тяжело... Женю видел на улице. Увидала меня — затряслась, заплакала... Скоро, скоро...

Опять надо пить...

28 марта. Все в порядке. Бумаги, письма. Может быть, кто-нибудь прочтет мой дневник — запомните. Я, Арсений Сергеевич Линеv, в здравом уме и твердой памяти иду убивать Штрейна, грязную, старую змею, который высосал у меня всю душу... Если мне не удастся убить эту гадину, я убью себя... В таком случае, этот дневник — моя посмертная записка. Господи! Спаси мою душу...»

На этом, господа судьи и господа присяжные заседатели, дневник кончается... Как вам известно из дела, подсудимый Линеv, взяв с собой револьвер системы Смита и Вессона, в ночь на 29 марта отправился к дому убитого Штрейна и, постучав в ворота, потребовал, чтобы хозяин вышел к нему на улицу. Когда, встревоженный таким поздним визитом, Штрейн вышел полуодетый, прикрывшись пальто, на улицу, Линеv, как это рассказывал после случайный сви-

детель, надворный советник ТИТОВ, дико посмотрел на него, перекрестился и выстрелил почти в упор. Штрейн упал и недолгое время бился в судорогах. Линева в это время стоял около него и, зажав голову руками, твердил какую-то молитву. Какую — свидетель точно не помнит... Когда Штрейн последний раз вздрогнул и скончался, на лице у Линева — как говорит тот же свидетель, — заиграла радостная, осмысленная улыбка, и он размашисто перекрестился.

— Слава Богу, — проговорил Линева. — Наконец-то...

Затем подсудимый бросил револьвер и побежал. Следствием дознано, что бежал он в ближайший участок. Там, после признания в убийстве, кроме странного заявления о

книгах, он обратился к дежурному помощнику пристава со следующей просьбой:

— На улице такой-то, в доме под номером таким-то, живет моя невеста такая-то... Передайте ей непременно же завтра, что теперь я свободен, и что бы со мной ни случилось — я всегда буду любить и сейчас люблю только ее одну. Люблю — так и передайте ей.

Это его буквальные слова. Теперь перейдем к более детальному освещению дела...

ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНЫХ ОЧКАХ

Картина для кинематографа

Илл. Н. Радина

ЧЕЛОВЕКЪ ВЪ ЧЕРНЫХЪ ОЧКАХЪ

*картина для книги «Матогора» Арх. Бухова
рис. П. Рагуина*

I

Поезд пролетел мост и, если бы не этот страшный грохот железа — я, наверное, не проснулся бы и не взглянул на человека в больших черных очках.

— Проснулись? — почему-то встревоженно спросил он, — проснулись?

Я удивленно посмотрел на навязчивого спутника, еще не понимая хорошенько, к кому он, собственно, обращается.

— Вы мне? Да, проснулся. А что?..

— Да так, — ничего, конечно... Сторожить будете... Подстергать?..

— Я — подстергать? Кого?..

Человек в черных очках улыбнулся какой-то странной недоверчивой улыбкой.

— Стараются скрыть?.. Напрасно...

Я не знал, что делать, — смеяться ли над этим пустым набором слов или просто оборвать разговор. Я внимательно еще раз посмотрел на спутника: он не был пьян, только как-то подозрительно у него дрожали руки и горели на бледных, давно не бритых щеках пятна лихорадочного румянца.

— Послушайте, что вам от меня надо? — недоумевающе спросил я, — я вас не знаю...

Мы были только вдвоем в купе. В вагоне пока, кажется, не было никого, кроме какой-то маленькой старушки в углу, около дверей. И вот среди ритмического стука колес я услышал хриплый и суховатый голос моего спутника.

— Для того, чтобы убить, — не надо знать... Надо только получить приказание...

Он засмеялся коротким, пугающим смехом, прислонился к стене и вдруг, сжав руки, точно от внезапно охватившего чувства громадной физической боли — толкнул двери купе и быстро выбежал в узенький коридор вагона...

II

В купе я занавесил окно и слегка притушил огонь. Я был пока один.

Человек в черных очках — я случайно увидел это — стоял на площадке и нервно курил папиросу за папиросой. Он что-то шептал вслух, сам себя перебивая, точно отгоняя какую-то навязчивую мысль. Я знал, что он сейчас придет

в купе и, не скрою, меня охватывало неприятное, жуткое чувство от этого сознания, что сейчас на меня взглянут из-под полупрозрачных черных стекол два больших, горящих каким-то странным огнем ужаса глаза.

Я лег, закрыл глаза и невольно все мысли с утроенной силой перенеслись к этому странному человеку, присутствие которого я незримо ощущал здесь, рядом с собой — присутствие, от которого, я чувствовал, временами мое лицо покрывалось пеленой мертвецкой бледности.

— Сумасшедший? — думал я. — Нет... Может быть, просто пьяный и так хорошо скрывает это, что незаметно?.. Большой?..

Может быть, я заснул бы, но шорох от тихо и бережно отворяемой двери заставил меня вздрогнуть и — полуприкрыв глаза, я впился взглядом в моего спутника — это он приотворил двери.

В полумраке я постарался хорошенько рассмотреть его лицо. Черные, сильно выющиеся волосы разбросал ветер на площадке, — они падали на лоб, налезали на уши; резко очерченный, с яркими, как будто накрашенными губами, рот на бледном лице — как рот вампира. Оттопыренные тонкие уши и длинный с горбинкой нос. Одет этот человек был в какой-то черный, довольно потертый костюм.

Ни усов, ни бороды...

Он посмотрел тяжелым испытующим взглядом — сплю ли я и, когда наши глаза встретились, он снова засмеялся и, войдя в купе, захлопнул за собой дверь.

— Все еще караулите?.. Скоро ли? Да?..

III

Резкий стук запираемой двери, какие-то желчные, жадные и хищные глаза, все это сразу ошеломило меня.

— Послушайте... Зачем вы запираете двери? — немного дрожащим голосом спросил я. — Мне душно...

— Душно? — иронически переспросил он. — Душно?.. А следить не душно?

Опять эти странные и страшные вопросы. Испуганные и угрожающие одновременно глаза. Я не знал, что отвечать и просто протянул руку к дверям. Тогда резким движением он двумя бледными, как будто костяными кулаками ударил меня по кисти и рука у меня беспомощно опустилась на колени!

Я вскочил со скамейки.

— Что вы делаете? — резко закричал я. — Я ударю вас... Пустите меня выйти...

Тогда он почему-то снял очки, кинул их на одеяло и произнес леденящим спокойным голосом:

— Нет. Я не пуцу. Нет. Нет.

Невольно я снова взглянул ему в глаза; они без очков были дики и страшны до того, что хотелось кричать от ужаса, который они кидали в душу... Слезящиеся, гнойные, с красными ободками и мечущимися расширенными зрачками, они, казалось мне, тоже кричали о чем-то...

— Пустите меня, — снова повторил я, — или я выйду силой... Вы слышите?

— Не пуцу, — донеслось мне в ответ. — Не пуцу...

— Зачем все это? — спросил я, с ужасом начиная чувствовать всю правду этого положения. — Кто вы?...

— Точно уж не знаете, — криво усмехнулся спутник. — Ехать целую дорогу с мыслью убить человека, открывшего дивные сокровища, и спрашивать: кто он?.. Нет. Негодяй... Ты не убьешь меня... Скорей я задушю тебя вот этими руками, на ногтях которых еще несмытая кровь такой же гадины, чем...

IV

— Зачем мне убивать вас?..

— Зачем? — и мой спутник горько рассмеялся, — а зачем меня хотели убить другие?.. Твои сообщники... Только за

то, что в двух больших городах, у старых стен, там, за скотобойнями, я нашел дивные богатства... Знаешь, идиот, ведь одного куска от этих сундуков хватило бы тебе на жизнь...

— Сумасшедший, — глухо прошептал я. — Сумасшедший.

Я понял всю ту тупую безвыходность, в которой я находился. Передо мной был сумасшедший с дикой мыслью, что я должен убить его, и теперь инстинктивно защищавший себя от каждого моего движения.

— Поймите меня, — сдержанно сказал я. — Мне не за чем убивать вас...

— Конечно, конечно, — горячо подхватил он, — я отдам вам много из того, что я нашел... Вы будете богаты, понимаете, вы будете страшно богаты, — зачем же вы хотите убить меня... Разве вы не знаете, как страшно убивать... Вот только три-четыре дня тому назад я убил эту женщину, — она хотела у меня лаской вырвать тайну... Разве это не ужас, бить по напудренному лбу проститутки ножом... Страшно, страшно, знаю... Особенно, когда брызгают и пачкаются эти желтые кусочки мозга...

Я чувствовал, что волосы мои буквально шевелятся на голове; я хорошо понимал, что если я не смогу выйти отсюда — должно случиться что-то непреодолимо мучительное...

— Пусти меня, — дико закричал я, — ты сумасшедший!
И я слепо ринулся к дверям...

V

В коридоре вагона слышались голоса. Наверное, это проходил контроль. Я даже вскрикнул от радости. Может быть, если я сейчас закричу — сюда придут люди и спасут меня от этого сумасшедшего с кровавым взглядом и безумными мыслями.

И, затопав ногами о пол вагона, стараясь заглушить шум колес, я закричал громче:

— Кондуктор... Идите...

Не помню, что было дальше, — передо мной мелькнул какой-то блестящий предмет, и я почувствовал одновременно острую, туманящую сознание боль в плече и левом виске. Потом предо мной нелепо нагнулись стенки купе, мелькнул огонек фонаря, снова какая-то острая боль в боку, как будто от падения, и я потерял сознание...

VI

Очнулся я, должно быть, через несколько минут, — не то от страшной, навалившейся мне на грудь тяжести, не то от резкого грохота — поезд проходил через тоннель. Когда я открыл глаза, сначала меня поразила только ужасная, непроницаемая темнота.

Огонь погас или был потушен. Я лежал на полу. По лицу у меня ползли липкие и теплые струйки крови — в такой же тепловатой струйке лежала правая, придавленная чем-то рука...

Навалившись на меня всем телом, лежал сумасшедший. В темноте, страшной и непроглядной, я все же видел, — быть может, вернее, чувствовал его белое-белое лицо и рот, по углам которого стекала водянистая противная пена. Я не мог пошевелиться.

— Дышишь, — тяжело прошептал он. — Дышишь?

— Пусти, — тяжело простонал я. — Ой... Ой...

— Нет, — с каким-то сладострастным чавканьем засмеялся он, — не уйдешь, гадина... Ты знаешь — я сейчас буду душишь тебя медленно, тихо, тихо, или...

Он на мгновение задумался.

— Или, пожалуй, хорошо тебя дорезывать... Понимаешь, взять и вдавливать в тебя нож. Тоже тихо, медленно, тихо... Ага, гадина...

И вот я уже чувствовал, как мокрые холодные руки медленно сжимают мое горло. Длинные сухие пальцы сдавливают кожу, впиваются глубже, глубже. Я забился, не в силах столкнуть сумасшедшего...

Шли минуты. Он то сжимал, то отпускал горло, не переставая смеяться страшным, душераздирающим негромким смехом.

Я чувствовал, что я сам начинаю сходить с ума. Мне самому уже хотелось смеяться отчаянным, визгливым смехом, вцепиться ногтями в этот наклоненный ко мне рот, в губы с пеной по бокам, визжать, биться... Острое сознание смерти отпало — и был только один режущий ужас от этих

мертвых, искаженных застывшей злобой зрачков....

Минуты складывались в длинные, безумные часы, а когда мне показалось, что сумасшедший вдруг отвернулся в сторону, чтобы сильнее налечь мне на сердце, я собрал последние силы и вырвался из-под него.

Завязалась дикая схватка. Как звери, мы катались по зашлеванному полу купе; сумасшедший впился мне зубами в шею, я отталкивал его ударами кулака по глазам. Мы задыхались, кричали, бились головами об углы скамеек и вещей в последней борьбе за жизнь.

— Ах, ах, — бешено кричал сумасшедший, — убью... Загрызу...

И он открывал страшный, с крепкими белыми зубами, рот.

— Убью! — кричал я тоже. — Спасите... Ой... Сюда!..

Отчаянным движением я пересилил его, навалился и, сжав ему горло, ударил его головой об пол.

Он не издал ни одного звука от этого удара. Тогда я снова приподнял его голову и снова ударил... Во мне не было желания убить его, но одно сознание, что он возьмет вверх и я буду беспомощно барахтаться под ним, хлынуло так бешено к мозгу, что я собрал последние силы, опять опустил эту трясущуюся голову на угол скамейки и дико сжал пальцы, обнимавшие горло.

В темноте что-то едко и горячо брызнуло мне на лицо...

Сумасшедший был мертв.

VII

Какая-то особая хитрость преступности, сразу осеняющая возбужденный мозг, особая осторожность убийцы — сразу подошла ко мне. Плохо соображая даже, я открыл окно и с лихорадочной быстротой стал выбрасывать вещи сумасшедшего... Потом подошел к нему, неизбежно страшному, окровавленному, с запененным ртом и, чуть не крича от безысходного ужаса, стал вталкивать его в узенькое окон-

ное отверстие...

Помню, что даже сквозь шум поезда я слышал, как глухо ударилось его тело о землю... Потом — эта кровь на полу... Я бросил на нее подушку и стал стирать ею красные пятна. Достал откуда-то из-под лавки огарок свечи, зажег его и, когда маленький желтый огонек слабо затрепыхал в купе, я ползал по полу, что-то говорил сам с собой, хватался за голову, плакал и ожесточенно стирал пятна...

Вылез я на следующей станции. Было тихо, вдалеке стоял кондуктор, и, не замеченный никем, я почти вбежал на вокзал, где сейчас же бросился к вину...

Я пил, пока сознание не залилось темным, мутным туманом и я не заснул тяжелым, непоборимым сном...

Через несколько дней я уехал за границу. Возникло ли какое-нибудь дело, было ли расследование — не знаю... Только видите вот сейчас, как дрожат у меня руки, видите этот пучок седых волос на голове — это знак памяти, страшный, несмываемый знак...

С этих пор, я, интеллигентный, холодный человек, смеющийся над всяким суеверием — я боюсь темноты... Понимаете — боюсь... Все время, если хоть минуту я останусь один в пустой темной комнате, — я с ужасом жду, что вот сейчас из дальнего угла выплывет бледное окровавленное лицо с пенящимся ртом, а в горло мне вопьются чьи-то сухие костлявые пальцы...

НЕУДАЧНОЕ ДЕЛО

Обвинительный акт рассказывал приблизительно следующее.

Какой-то человек невысокого роста, в сером костюме, в мягкой шляпе, вышел из маленького одноэтажного каменного дома на одной из окраинных улиц — приблизительно часа в четыре утра — и стал мыть руки под водосточной трубой.

Через несколько минут он увидел какого-то пошатающегося пьяного гуляку — с туманных слов которого и передается эта часть факта — и, вскрикнув, бросился бежать. Закричал и пьяный. На крики прибежали полицейский и ночной караульщик.

Началась погоня. Убегавший воспользовался полутьмой ноябрьского рассвета и мгновенно скрылся в каком-то дворе.

Полицейский и караульщик вернулись к пьяному, который дремал на крыльце одноэтажного домика, а когда они пробовали разбудить его, он что-то мычал и не мог ничего ответить.

Самый конец водосточной трубы был запачкан кровью. Виднелась она и на ручке входной двери.

В восемь часов утра, взломав двери в единственную квартиру всего домика, вошла полиция. Кровать хозяина квартиры была измята, ящики столов выдвинуты, перерыты сундуки, а сам хозяин с раздробленной головой и ножевой раной в боку лежал в столовой, судорожно уцепившись за ножку большого дубового стола.

Под кроватью лежал брошенный бумажник, из которого были вынуты все деньги.

Прошло около двух дней — все поиски не приводили ни к чему. Наконец, на третий день, в полицию были доставлены два человека, которые оба подходили к описанию убийцы.

Один был пойман в трактире, где он менял двадцатипятирублевую бумажку. Был он невысокого роста, в мягкой черной шляпе. Уверял, что утром третьего дня был дома, хотя следствием установлено, что он куда-то ушел с вечера из булочной, где служил пекарем и где ночевал всегда.

Вину свою отрицал.

Другой, сиделец винной лавки, был арестован по указанию хозяина магазина золотых вещей, которому тот хвалился, что у него теперь много денег, и у которого покупал в подарок невесте кольцо с бриллиантом. Был тоже в сером костюме и мягкой шляпе. Выяснилось, что в ночь убийства дома не был. Когда его спросили о месте пребывания, смутился и сказал, что уезжал из города; к кому, — назвать отказался.

Пьяный, первым заметивший убийцу, что-нибудь подтвердить отказался, ссылаясь на то, что ничего не помнит. Полицейский и дворник видели только спину. Заставили заподозренных несколько раз прокричать, потому что все свидетели слышали крик убежавшего человека.

По крику все узнали пекаря.

Последний побледнел, чувствуя, что ему грозит страшная кара. Сиделец винной лавки все время плакал и просил его освободить.

Было еще несколько мелких улик, по которым можно было предполагать, что убийца — пекарь, но точной и твердой уверенности, что здесь нет тяжелой, удручающей ошибки — ни у кого не было.

Звали пекаря Степаном Николаевичем, и в конце обвинительного акта было закреплено подписями, что — означенный Степан Николаев обвиняется в преднамеренном убийстве с целью ограбления мещанина такого-то, что предусмотрено статьями такими-то...

И у всех, кто составлял обвинительный акт, кто вел расследование и говорил об убийстве — у всех тоскливо ныла одна и та же мысль, что здесь легко может быть ошибка, страшная судебная ошибка, которая вычеркнет из жизни одного человека благодаря стечению, может быть, совершенно пустых обстоятельств...

II

Сытый, после вкусного домашнего обеда, в своем широком, обставленном мягкой кожаной мебелью кабинете сидел адвокат Тарсов и пробегал обвинительный акт. Едко ударял в голову каждый глоточек густого зеленого ликера из длинной граненой рюмки; обволакивал туманом мягкий свет матовой электрической лампочки дым душистой, щиплющей язык сигары.

На спокойном бритом лице Тарсова мелькала то ироническая, то самодовольная улыбка по мере того, как страница за страницей уменьшалась непрочтенная часть обвинительного акта, а другая, тщательно размеченная карандашными отметками, пухла и увеличивалась.

Взвизгнул звонок телефона. Тарсов вздрогнул и взял трубку.

— Слушаю вас. Со мной? Пожалуйста. Для какой газеты? Ага, так. Хорошо. Только я не могу вам рассказать много... Защищаю я. По-моему, только явная ошибка власти могла посадить пекаря Николаева на скамью подсудимых... Я твердо верю в его невиновность... Спокойно служил, работал... Нет оснований думать, что это он... Что? Да, да, усиленно готовлюсь к защите — подготавливаю. Что? Сиделец из винной?.. Да, да, вы правы... Моя защитительная речь должна быть обвинением другому — вот этому сидельцу... Я много времени трачу на нее... Да. До свидания.

III

Тарсов сказал правду.

За восемь лет своей адвокатской богатой практики, он ни разу не пропускал ни одного дела, о котором говорили газеты и толпа. А теперь, когда около серой фигуры пекаря Николаева собралось столько искреннего интереса, Тарсов понимал, что здесь он может всех заставить говорить о се-

бе и поэтому работал по целым дням, иногда даже ночами.

Он бросил другие дела, закрылся в своем красивом кабинете и, куря папиросу за папиросой, вчитывался в каждое слово обвинения, хватался за каждую беглую мысль, которая могла дать ему нить для оправдания, и по целым часам представлял себе тот момент, когда публика, наполнившая залу суда, будет бешено аплодировать ему за сильную, красиво построенную речь...

И только одно обстоятельство немного мучило Тарсова. Когда он зашел в камеру к пекарю, его страшно поразило тот безучастный вид, который бывает только у настоящих преступников. Ни мучений, ни жалости к себе, а так, простое чувство: попался и никак не вырвешься.

Тарсов долго допрашивал его, задавал ему сотни разных вопросов, а Николаев или тупо молчал, или отвечал односложно и вяло, тупо смотря в лицо Тарсову мутными, распухшими от тюремной темноты глазами.

Иногда он начинал говорить и вдруг сразу останавливался и с недоверием всматривался в Тарсова.

— Может быть, вы мне еще что-нибудь хотите сказать? — спросил Тарсов и с тайным испугом посмотрел на пекаря. А вдруг он скажет что-нибудь такое, что сразу захлестнет все надежды на блестящую речь, на все разговоры о нем... Вдруг это он... Вдруг это он выходил из маленького одноэтажного домика на окраине и мыл под водосточной трубой руки, запачканные кровью.

— Я еще хотел сказать, — начал пекарь, — еще одно обстоятельство, — и, вдруг стиснув зубы, закончил: — господин заступник, нельзя ли, чтобы гулять меня подольше водили... Духота здесь...

Уходя, Тарсов чувствовал какую-то тяжесть на душе, точно он скрыл что-то нехорошее или помог какому-то страшному, тяжелому делу...

IV

Утром, накануне суда, Тарсов проснулся в каком-то возбужденном состоянии. В газете, перед глазами, еще не свежими от утреннего сна, мелькнули крупные извещения о том, что столичные газеты прислали на это дело своих сотрудников... Значит, о каждом слове его, Тарсова, о каждой его улыбке и каждом жесте на суде будет знать вся Россия. В каждый уголок: пробьется его имя... Целый день прошел как в легком, точно после хмеля, тумане.

Хотелось, чтобы каждый час, каждая минута кончалась скорей и скорее наступал завтрашний день.

На письменном столе лежал весь испещренный заметками обвинительный акт и почти целиком написанная речь. Здесь, в этой маленькой тетрадочке с синей обложкой, было записано все, что передумано за много дней и хороших рабочих ночей — и Тарсов с любовью перечитывал каждую строчку, стараясь запомнить отдельные удачные выражения.

Обедал, и ничего не хотелось есть. Жена с ласковой улыбкой смотрела на Тарсова.

— Да будет тебе волноваться... Съешь хоть что-нибудь...

Тарсов поднял на нее глаза и тоже улыбнулся.

— Пустяки... Я не волнуюсь. Просто — не хочется...

Потрогал массивную серебряную вилку и добавил:

— Сегодня надо рассеяться. Пойдем сегодня в театр... До восьми я должен съездить в тюрьму... к этому — Николаеву. Поговорить с ним, а потом и поедем. Ты только успеешь одеться...

Жена снова улыбнулась, а Тарсову вдруг стало неприятно, что вот от этой женщины, пахнущей дорогими духами, от этих знакомых картин на стенах столовой и стола, покрытого белой-белой скатертью, вдруг придется оторваться и поехать в темную, грязную и жутковатую тюрьму с каменными, тусклыми коридорами и круглыми глазками-окошечками камеры... А ехать надо.

Уже зажгли лампу. Желтый свет без огонька, сливаясь с тоненькой струйкой копоти, дрожит в углу и освещает бледное зеленовато-серое лицо пекаря, прижавшегося к стене. Он не смотрит в глаза Тарсову и что-то говорит глухим, усталым голосом.

Во фраке, с белой яркой грудью, на которой синеньким огоньком играют бриллиантовые запонки, Тарсов сидит на краешке стула и с нарастающей тревогой слушает раздраженные слова.

— Кому?

— Да вот тому парнишке... Ему-то что будет? Вот которого вместе со мной водили... Сидельцу этому...

— Ему? — стараясь быть спокойным, отвечает Тарсов. — То наказание, которое дали бы вам, если бы суд признал, что убили вы. На каторгу...

— А если он не убивал? — вызывающе спросил пекарь. — Тоже на каторгу?..

— Какой вы... странный, — сухо улыбнулся Тарсов. — Тогда, конечно, нет... заподозрены вы двое... Больше никого нет. Если будет доказано, что убили не вы... Произведется новое расследование... Да и я в речи буду указывать, что все улики против него...

— Это против сидельца-то? — со злой улыбкой спросил пекарь.

— Ну да... Тогда вас освободят...

— А его на каторгу?..

Наступило тяжелое молчание. Тарсов мял попавшуюся под руку хлебную крошку. Николаев, опустив голову, смотрел на ноги и тяжело дышал.

— А он виноват, этот сиделец-то? — не подымая глаз, спросил пекарь. — Вы-то знаете это?..

Какая-то волна злости против этого человека, точно незаметно издевающегося над ним, хлестнула в голову Тарсову.

— Ну, да, да, — теряя прежний спокойный тон, вдруг выкрикнул он, — ну да, знаю, уверен... а что?..

— Что? — и вдруг Тарсов увидел в глазах пекаря такую безысходную злобу к себе, что даже привстал со стула. — Что же, значит, того на каторгу упечь... Невиноватого-то человека... Я сухонький выйду, а того от винной лавки на каторгу...

И, точно бросая, а не говоря каждое слово, пекарь добавил:

— Вот что... господин адвокат... убил-то ведь я. И руки я мыл... Кабы не пьяный этот, так бы и удрал... Денег надо было и прирезал чиновничешку...

— Значит... значит... вы? — с каким-то ужасом спросил Тарсов, чувствуя, что все плывет у него перед глазами. — Вы?..

— Ну да... я... — глухо подтвердил пекарь, — на суде завтра скажу... Все равно, чай...

Шатаясь и придерживаясь за стенки, Тарсов вышел из камеры...

VI

Когда жена вошла к Тарсову в кабинет, он лежал, не сняв фрака, на диване, разметав руки и вздрагивая всем телом.

Губы у него дрожали, на одной из щек повисла маленькая прозрачная слезинка, а воротничок, наполовину разорванный, тряпкой висел на шее...

— Что ты... что с тобой... Шура... — вскрикнула жена и подбежала к дивану, — что ты...

Тарсов приподнялся и отстранил жену рукой.

— Оставь меня, — тихо попросил он, — уйди...

— Скажи, что... Ну что с тобой... Дело?..

— Сознался... Пекарь и убил, — глухо произнес Тарсов, — все к черту.

Жена на цыпочках вышла из кабинета.

Тарсов поднялся с дивана, осмотрел мутными глазами всю комнату... А когда взгляд его коснулся до тетрадки с синими обложками и толстого обвинительного акта, какая-то громадная, все превышающая обида сразу ворвалась в сердце и так больно сжала его, что Тарсов почти добежал до стола и, кинув голову на руки, заплакал, захлебываясь и истерически вскрикивая...

Мягко светила матовая лампочка и красиво стояли около письменного прибора — две белые, точно восковые, гвоздики, вставленные в длинные из красивого зеленого стекла вазочки...

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ УБИЛ

Темно-зеленые бархатные портьеры волнистыми складками падали у двери и, как жуткий саван, полуприкрывали судорожно раскинутое тело молодой женщины.

Лицо у нее было белое и настолько женственно-красивое, что даже предсмертные минуты не оставили на нем своего ужасного следа. Глаза были открыты и стеклянным ледяным взглядом смотрели на окна, через которые уже пробивалось мокрое и мглистое петербургское утро. Тюлевые густые занавеси не пускали его в комнату и, проходя только своей противной бледнотой, оно смешивалось с жидким светом электрической лампочки и окрашивало все в комнате неприятным серым отливом.

На кружевной кофточке женщины густой, засохшей пленкой лежала кровь. Как будто кто-то небрежно накинул сверху это красное, кричащее пятно, как накидывают яркий легкий шарф.

Руки сжимали портьеру, а ноги, тесно сжатые, как перед прыжком, упирались в опрокинутое у дверей кресло. Большой разрезной нож литого серебра, с ручкой из слоновой кости, валялся около трупа, окрашенный в густую краску засохшей крови...

Медленно и резко тикали часы. Капала, где-то рядом, вода из умывальника, а в глубине комнаты, на мягком кожаном кресле, сжав голову худыми дрожащими руками, сидел и покачивался в каком-то отупении высокий худой человек в коричневом, красивом костюме. На лице у него сквозь прозрачную, мертвенно-синюю кожу были видны мелкие, бьющиеся жилки. Губы высохли и обмотались черным налетом жара, волосы дико всклокочены, а посередине дорогой серебристой жилетки багрово выделялось такое же пятно, как на груди убитой женщины.

Мужчина сильно нагнулся в кресле, сделав, по-видимому, громадное физическое усилие, чтобы подняться и, встав, сделал несколько неуверенных, шатких шагов к кнопке электрического звонка. Несколько секунд он нерешительно держал руку на холодной костяшке, потом дико взглянул на труп и нажал кнопку.

Где-то в отдалении продребезжал звонок. Мужчина позвонил еще. Снова где-то металлически звякнуло и слышались возня и шаги. Через минуту в дверь постучались.

— Войдите, — хрипло проговорил мужчина и отвернулся к окну, — войдите, Дуняша.

Горничная отворила дверь и, войдя в комнату, невольно толкнула ногой тело женщины.

— С барыней что... худо? — спросила она, быстро наклоняясь над трупом, — упали?..

И, вдруг заметив кровавое пятно, она отшатнулась назад, ударилась о стенку и вскрикнула пресекающимся, еще сонным голосом:

— Барыня... Барыня... Кто убил?..

Мужчина обернулся, нервно сунул руки в карманы пиджака и, смотря в лицо вошедшей немигающим холодным взглядом, проговорил, выпуская слова из-за стиснутых зубов:

— Дуняша... Бегите в участок и заявите, что я... Слышите, так заявите, что, мол, архитектор Иван Николаевич Мазаев, убил свою жену, Надежду Михайловну... Запомните: жену Надежду Михайловну... Запомните?.. Ну что же вы стоите? — нервно крикнул он. — Идите... Да, погодите, — дайте мне пальто и шляпу... А еще скажите, что, мол, сам Мазаев уехал к судебному следователю. Запомните? Идите...

И, закрыв глаза, когда проходил мимо трупа, Мазаев твердыми, большими шагами, прошел в переднюю.

II

Следователь вышел розовый от сна, со слипающимися беспрестанно глазами и еще теплый от мягкой постели. Он изумленно посмотрел на Мазаева, кивнул ему на стул и закурил толстую, желтоватую папиросу.

— Дайте и мне, — попросил Мазаев.

Тот протянул портсигар. Мазаев закурил, жадно затянулся дымом и, выдохнув его серой струей, заговорил:

— Вас удивляет?.. Приход-то мой — слишком уж рановато что-то... Ну да, есть причины. Я, видите ли, жену свою, Надежду Михайловну, того... ну, понимаете — убил.

Следователь широко раскрыл глаза.

— Иван Николаевич! Иван Николаевич, что вы говорите?..

— Э, бросьте, — отмахнулся Мазаев, — забудьте-ка вы, что я Иван Николаевич и что мы с вами на даче вместе жили... Перед вами Мазаев, понимаете, убийца Мазаев, которому все равно через десять часов пришлось бы рассказывать вам о... ну, вот об этом, что случилось. Лучше выслушайте сейчас, а то не знаю, что эти часы делал бы... Может, еще утопился бы... Расскажу поподробнее — вы и адвокату потом моему расскажете. Героем сенсационного процесса ведь буду...

— Слушаю, — тихо произнес следователь. — Папиросу еще хотите?

— Дайте...

III

— Вы ведь меня давно знаете, — помните эту мою... связь, что ли, с Алясинской. Артисткой. Да, пожалуй, скорей коткой, чем артисткой. Увлечен я был здорово, больше трех лет оторваться не мог, а уж многое было, из-за чего стоило ее бросить. Только к концу дурацкого романа я понял, что если и нужен был ей, так только для того, чтобы квартира всегда была оплачена...

Когда ушел я от нее — помню — уж очень жутко было. Как будто бы заплутался. Выхода нет — один да один все время. Пил, кутил — грязно все это, быстро надоело. Жить стало ужасно кисло, тягуче. Встаешь и думаешь: хорошо бы сейчас повеситься. Честное слово! С таким мертвецким сознанием больше года прожил. Все омерзело и сам себе омерзел...

Вот в такую-то пору и встретилась мне... Надежда Михайловна... Ничего в ней особенного не было — так, девушка как девушка. Хорошенькая, чистенькая такая. Только уж, должно быть, очень скверно мне тогда было, потому что за каждым добрым словом или взглядом, как собака, бежал. Приласкала меня и Надежда Михайловна. Странно так и началось.. Уж очень вы, говорит, грязный человек, Иван Николаевич. Точно в ванне давно не мылись. У вас от души кабаком пахнет, посмотрите на женщину, словно сторговываетесь с ней на какую-нибудь гадость, заговорите — цинизмом несет.

Как-то внутренне осмотрелся я после ее слов. Есть такие женщины, как зеркала: подойдешь к ним и сейчас же вся внутренняя пакость собственная видна станет.

Ну что же, говорю ей, гадкий я, так ведь никому от этого хуже не будет, мало ли нас, двуногих гадов, шляется? Обозрел бы кто-нибудь, может быть, отошел бы. Вот, говорит, нежности какие, подумаешь. А у самой, вижу, что-то такое совсем не женское, а человеческое в глазах промелькнуло... Взялась она за меня, не отпускает от себя ни на шаг. В театр — я за ней должен, гулять едет — за мной заезжает. Мне, говорит, все равно делать вообще нечего, а если такого поганца, как вы, исправлю — По крайней мере на душе легче будет...

Шутит — думаю... Так, безвременье такое сердечное пришло — никого, мол, нет сейчас, вот и занялась мной, как иногда старые барыни с приживалками возятся. Зачем это ей? А пока целыми неделями думал об этом, и не заметил, как без нее день не в день, работа не в работу — скучно. Не увидел вчера, так сегодня целый день, как мокрый ходишь... Один раз сманили все-таки приятели в кабак, с девицами, с пьяным криком. А в этот вечер к ней обещался заехать. Сидел, сидел, не выдержал. Убежал потихонечку, сел на извозчика, приезжаю к ней. Сидит одна, читает. Увидела меня, вдруг бросила книгу да мне — бегаешь, кричишь: приехал, приехал... Милый мой... Вдруг запнулась, покраснела, да уж поздно было. И себя не помню — целовал ее, целовал...

И началось. И Алясинская, и кабаки, и все, все, что жерновом на душе висело, все куда-то ухнуло. Сидишь с ней и чувствуешь, что вот около тебя человек, которому ничего, кроме тебя, не надо — абсолютно ничего... Да еще какой человек — чистый, нетронутый, которого ни один мужчина не целовал гадко, плотоядной рукой к которому не притрагивался...

Понимаете, это около меня-то, после Алясинской да напудренных и залитых скверным одеколоном женщин... Это даже не любовь была, а поклонение какое-то, честное слово. Сидишь иногда с ней и вдруг хочется встать на колени и ботинки ее начать целовать, да громко целовать, чтобы сбежались все и видели...

Конечно, венчаться захотели...

IV

— Почти полтора года, как женаты. Как шло время — трудно сказать. Трудно хвалиться своим счастьем — слишком оно уже только самому себе понятно, но одно скажу: безумно хорошо было. Работать стал, как вол; хотелось все больше денег натащить, чтобы Наде удовольствие сделать, а она сердилась только: «Я, — говорила часто, — не содержанка, чтобы деньги тянуть, лучше работай меньше, да дома больше сиди». Прямо до слез все это приятно было...

День набегаешься, наволнуешься, нервы ходуном ходят, а вернешься вечером домой — Надя дожидается. Скинешь с себя вместе с рабочим пиджаком всю дневную слякоть: сядешь к ней и чувствуешь себя, как ребенок около няньки: от всего защищала меня Надя своей привязанностью. Раньше жить было страшно — точно по кладбищу ходишь. Теперь вдруг бодро так стало, сила какая-то появилась.

Ребят не было. Да и слава Богу, а то я, право, кажется, стал бы ревновать Надежду к собственному ребенку, до того я привязался к ней...

Чувствовал, что и она крепко связана со мной и, быть может, не сидел бы я здесь у вас, в такое время, если бы не была Надя все же женщиной. А ведь сами знаете, что у женщин и душа, и сердце — слепые. Кто посильнее схватит —туда, куда захочет, и поведет...

V

Месяца три тому назад играли мы у знакомых в карты. Я сидел рядом с Надей, а против нее поместили какого-то моряка. Красивый парень. Большущие глаза, белый лоб, шевелюра черная, бархатная. В глазах нагловатое что-то. Когда кого-нибудь любишь и видишь такого человека — бояться хочется. Такие люди легко счастье отнимают. У них сила какая-то есть... Это те, что женщин после знакомства в два дня берут, те, что хвалятся, как к ним чужие невесты бегают...

Вижу, что смотрит он на Надю таким постельным взглядом. Чувствую, что хлынула мне кровь в голову. Смотрит, а глаза говорят, что хорошо бы, мол, владеть тобой, и плечи у тебя мягкие, и сама ты гибкая... Взглянул на Надю —отвечает ему взглядом, покраснела, и нет у нее во взгляде отворачивания — наоборот, благосклонное любопытство какое-то... Как будто на мысли его соглашается... Так страшно мне сделалось, что из-за стола встал. Никогда я не видел у Нади такого взгляда. И себя жалко стало, и противно, и страшно... Зову ее поскорей домой. Стали прощаться, а моряк при мне же спрашивает Надю, что можно ли к нам заехать. Вижу, Надя запнулась, не знает, что ответить. Выручил ее: «Пожалуйста, — говорю, — и я, и Надежда Михайловна очень рады будем».

Едем на извозчике, спрашиваю ее о том, почему так из моряка посмотрела. Смеется как-то странно, разуверяет, а в глазах что-то виноватое бежит.

Был через день у нас в гостях — моряк этот. Почти весь вечер разговаривал с Надей. Я видел, что это приятно ей. А когда она стояла около пианино, он подошел к ней и, как будто бы что-то показывая ей в нотах, на секунду прикоснулся к ней телом. Вспыхнула Надя и сейчас же инстинктивно обернулась: не вижу ли я. Конечно — видел... Вышел в кабинет, просунул голову в форточку, отдышался, снова в гостиную вошел...

Назавтра куда-то перед обедом уехала Надя. Вернулась розовая, в приподнятом настроении, моих взглядов избегает и чувствую я, что была с моряком. И на следующий день снова пошла... Как слепая, по дому ходит, ничего не понимает, нервная, видимо, за меня мучается, а себя сдерживать не может. Только и смотрит на часы. Сядет на кровать, думает-думает, плачет, а ко мне не приласкается, а потом оденется, убежит и надолго-надолго...

Все понимал. Понимал, что возвращается ко мне после того моряка... Заласканная, уставшая от него... Господи, как я измучился за это время. Все ушло, понимаете, буквально все! Когда еще с Алясинской я жил, была все-таки надежда, что кто-нибудь вытащит, а тут все рухнуло. Ничего не осталось.

Опять один, под дождем, по слякоти, с утра до ночи по городу брожу. Домой идти страшно; приду, увижу, что ее нет, как вспомню, что в этот момент, может быть, она с тем, как со мной... и слова те же и движения те же и ласки... Ай... Понимаете — кричать хотелось. Просто выбежать на улицу, бить головой об стенку и что есть силы, до хрипоты, от сердечной боли кричать...

Понимаете, ужас-то весь. Придет домой, безропотно слушает мою ругань. Подойду к ней — не отгоняет от себя, а по глазам вижу, что противен я ей — ужасно, ужасно...

Хотел убить себя. Хладнокровно, собственной мукой наслаждаясь, прикончить. Да вспомнил одну очень уже обидную вещь: убью себя, а она, может быть, и жалости не почувствует: может быть, даже обрадуется, что освободилась... У меня будет череп расколот, мозг по подушке потечет, а она в это время, ничего не зная, может, ему руки целовать

будет... тогда, моментом, наступила какая-то даже ненависть к ней, как будто проказой на ней легла эта новая страсть.:

VI

— Вчера вот она тоже ушла к нему... к тому вот, моряку... С утра я ничего не ел, только пил много, водку пил, вино. Много-много, так что к вечеру сердце колотилось, как рыба в садке. Руки дрожали; может быть, поплакал бы — легче стало, только слезу не выжмешь...

Сижу, дожидаясь Надю. В гостиной. Тихо, легли все. Сижу один. Дождь льет, по трубам что-то бурлит. Тяжелотяжело. Десять часов. Одиннадцать. Двенадцать. Ничего. Заснул в кресле. Проснулся от звонка — тихий, надтреснутый и далекий, в передней. Смотрю на часы — без пяти три. Надя... Горничная, Дуняша, открыла.. Думала, что я сплю — Надя-то. Вошла в гостиную, повернула кнопку и остановилась.

— Не спишь? — как-то подло спрашивает и не смотрит на меня, — а я думала, спишь...

— Жenu дожидаясь... Когда любовник отпустит, — говорю ей грубо-грубо. — Что, хорошо было?

Не отвечает. Смотрю на нее — волосы растрепаны, кофта сзади расстегнута. Сама красная, взволнованная, усталая. Шагнул к ней. Подошел почти вплотную.

— Что же молчишь? Говори. Давно не виделись.

— Что тебе? — так же не глядя, спросила она.

Пахнуло изо рта вином. А от всей вдруг потянуло духами — духами того человека. Сладкими, мужскими духами...

Надя — значит, все правда, все, что я только передумал это время. Пьяная от вина и от ласк мужчины, может быть, всего час тому назад... Надя... Знаете: больше такого ужаса не пережить мне... Завертелось все в глазах...

— Гадина, — крикнул ей, — гадина!.. Дрянь!..

Точно ударил я ее. Подняла глаза. И вдруг злобно-злобно, точно с палачом разговаривала:

— Уйди... Сытая скотина... Ненавижу...

— Вон, — бешено взвизгнул я и наклонился к ней. — Вон! Вон! Вон! Вон!

Не увидел, а почувствовал, как она занесла руку, размахнулась и ударила меня по щеке... Как будто чем-то горячим облило мне голову. Ничего не соображая, сразу схватил что попало со стола — нож разрезной попался — и бросился на нес. Не вскрикнула, должно быть, думала, что испугать хочу, только к двери бросилась, кресло опрокинула нечаянно, за портьеру ухватилась. Догнал я ее — лица не видел, ничего не видел, чувствовал только, как духами этими пахнет... Что есть силы хватил ножом... Туповатый ножик-то — разрезной... Даже куда попал — ничего не знаю... Потом ничего не помню... Горничная расскажет.

VII

— Дайте папироску еще, — попросил Мазаев, — спасибо!

— Может быть... воды... чаю хотите... — дрожащим голосом спросил следователь, — сейчас сделают...

— Не надо, — сухо ответил Мазаев, — не хочу... Ну что же: арестуйте меня... Сам пришел...

Следователь опустил глаза и нервно забарабанил по столу.

За окном уже светлело настоящее утро и чахлое солнце, пробираясь по крышам, тускло отражалось на мутных окнах верхних этажей...

ЧЕЛОВЕК В САВАНЕ

(Вырезка из газеты)

Приблизительно тридцатого октября, около пяти часов пополудни в своем доме, в центре города, была задушена только что вернувшаяся из-за границы артистка Роцинская. Незадолго до этого она вышла замуж за одного из своих поклонников, миллионера Ардельского, тратившего на любимую женщину громадные деньги. Месяца за два до этого ужасного преступления, взволновавшего все общество и обещающего сенсационный процесс, Ардельский убился, сорвавшись в Норвегии с какой-то скалы, и Роцинская являлась наследницей массы денег и хорошего особняка.

Нашли ее под кроватью, с заткнутым ртом и со следами на шее грубых мужских пальцев. Горничная рассказывала, что она пропустила днем к своей барыне двух небедно одетых мужчин, лица которых она немного припоминает; она слышала какой-то громкий разговор, сильное топанье и мимо нее, весело разговаривая и смеясь, прошли обратно два господина, причем один из них нес в руках какой-то ящичек.

Когда пришла полиция, оказалось, что несгораемый шкаф был открыт, а деньги — исчезли. Арест горничной был совершенно ненужным шагом: она четыре года жила у Роцинской, и ее поведение во время службы явно говорило в ее пользу.

Убийц искали, ловили совершенно непричастных к делу воров; делали обыски — все было напрасно. Убийцы исчезли; о них не было ни слуху, ни духу, и только в одну из газетных редакций, где была помещена заметка о том, что это совершено анархистами, пришла коротенькая записочка, в которой неизвестный корреспондент писал, что преступление было заранее подготовлено, деньги взяты, но анархисты тут совершенно ни при чем.

О деле стали почти совершенно забывать; изредка то там, то здесь мелькали газетные сведения, что в пойманных преступниках стараются опознать, путем очной ставки с горничной, убийц Рощинской, но все это было глухо-глухо. А когда и розыски стали уже производить вяло и сухо, к одному из полицейских участков рано утром подъехала щегольская коляска и человек в черном теплом пальто, с взволнованным лицом, быстро шагая, вошел в прокуренную комнату, где сидел пристав, и передал свою карточку.

— «Александр Николаевич Грульен. Коммерсант», — прочел пристав и, так как эта фамилия ничего ему не говорила, попросил рассказать, по какому делу к нему господин Грульен приехал.

Волнуясь и захлебываясь, Грульен рассказал, что он человек интеллигентный, в сверхъестественное не верит, но к ужасу своему он должен сознаться, что вот уже две недели к нему по ночам в квартиру приходит какая-то женщина в белом покрывале и бродит по всем комнатам.

— Поверьте, господин пристав, — говорил Грульен, — я знаю грань между галлюцинацией и явью. От галлюцинации нет такого ужаса. Кроме того, по утрам я часто с ужасом замечаю, что многие вещи за ночь переставлены... Помогите мне...

— Я не могу отказать вам в помощи, — с улыбкой ответил пристав, — но я совершенно не верю... Простите меня... Вам, наверное, все кажется... Если хотите, я вас направлю в сыскное, там вам...

При этих словах Грульен вдруг почему-то побледнел и поднялся со стула.

— Нет, нет, — с волнением ответил он, — не надо. Не стоит...

Очередной работы почти не было и один из помощников пристава по розыскам, Нежинов, просто из-за любопытства к этой истории, где серьезный взрослый человек жалуется на привидения полиции, согласился пойти с Грульеном к нему в дом; осмотрел квартиру, а вечером в тот же день, одевшись в штатское и захватив револьвер, снова пришел к Грульену, который жил почему-то без прислуги,

и остался на всю ночь.

III

Квартира у Грульена была небольшая, всего из четырех комнат, причем почти все стояли пустыми, а сам Грульен жил в крайней, около кухни и ванной. Нежинов хорошо нарисовал себе план и спрятался в пустой платяной шкаф, стоявший в коридоре как раз напротив двери Грульена. Стоять в шкафу было очень душно и неудобно, но Нежинов терпеливо ждал; через приоткрытую дверь он видел, как Грульен лег в постель, спрятал под подушку какой-то пакет и как он пытливо и с ужасом вглядывался в темноту.

А около трех часов ночи около входной двери что-то зашуршало, послышался легкий скрип и по коридору, по направлению к комнате Грульена, задвигалась большая белая фигура с распущенными длинными волосами, с вытянутыми вперед руками. Фигура медленно дошла до комнаты Грульена и стала потихоньку отворять дверь. Теперь она стояла между дверью и шкафом, так что Нежинов был сзади нее и, обладая хорошей мускулатурой, мог в любой момент схватить ее сзади, не рискуя встретить сильного сопротивления.

Затаив дыхание, он ждал, что будет дальше.

Белая фигура открыла дверь и Нежинов увидел, как Грульен, схватившись за сердце, приподнялся на постели. Его бледное лицо пятном выделялось среди темноты.

Белая фигура вошла в комнату, и в ту же минуту Нежинов услышал сдавленный хриплый шепот:

— Отдай деньги... Где спрятал, собака... Отдай деньги... Отдай мои деньги...

Грульен протянул по направлению к белой фигуре что-то блестящее, похожее на револьвер. Не зная, что может произойти дальше, Нежинов быстро выпрыгнул из шкафа и бросился на человека, одетого в саван, и повалил его на

под. Не ожидая нападения сзади здесь, в этой пустой квартире, человек в саване сопротивлялся недолго. Грульен зажег электричество и вдвоем они быстро связали ему руки полотенцем.

Нежинов усадил его на стул, позволил по телефону в полицию и что-то сказал Грульену. Тот, повеселевший и радостный, стоял против пойманного наготове, чтобы не дать ему бежать.

Через несколько минут, когда пришла полиция, Нежинов резким движением снял с пойманного саван, и на него взглянуло довольно красивое молодое лицо. В эту-то минуту Грульен покачнулся и со стоном упал на руки одному из полицейских.

Пойманный с дикой ненавистью посмотрел на упавшего и рванулся в сторону.

Нежинов вдруг стал быстро одеваться, точно торопясь куда-то.

— Берегите этого, — сказал он полицейским, уходя, — а когда очнется этот, не упускайте его с глаз. Скорей обоих в полицию. Попались наконец-то...

IV

На другой день, в девять часов утра, Нежинов допрашивал дворника того дома, где жил Грульен.

— Когда переехал к вам?

— По книге — шестого ноября.

— Кто к нему ходил?

— Швейцар говорит, что ни одна душа.

— Кто жил рядом?..

— Ученый какой-то. Тоже один. Был у него — склянки да банки на столе.

— Скажите, давно был в этих квартирах ремонт?

— Недавно. Между этими квартирами даже одна дверь не заделана... Раньше хозяин с сыном жили. Хозяин в одной, а сын рядом... Для ребят и пробили. Не успели заде-

лать, как господин Грульен заторопили, сдали так, просто обоями заклеили...

— Так что пройти из одной квартиры в другую можно?

— Да, конечно, можно... Только бумагу отодрать. А около дыры-то у господина Грульена второй шкаф стоит, так что дыру и задвинуть можно.

Нежинов отпустил дворника:

— Спасибо. Еще вызову вас.

Через несколько минут Нежинов уже разговаривал с Грульеном.

— У вас были деньги?

— Нет, — и Грульен побледнел. — Откуда? У меня маленький заработок...

— Напишите мне несколько слов вот здесь на бумажке. Ну хотя бы вот это...

И Нежинов протянул Грульен кусок измятой бумажки, на котором было написано, что убийство Роцинской совершено не анархистами. Эту бумажку Нежинов только что достал из редакции.

Грульен посмотрел на бумажку и вдруг бешеным движением вырвал ее из рук Нежинова.

— Мне больше ничего и не надо, — спокойно ответил тот, — прошу вас посидеть спокойнее... Введите другого.

Через полчаса какая-то женщина была введена к Нежинову и, окинув взглядом обоих арестованных, с ужасом прошептала:

— Да... Это они... Те самые...

V

— Ваше превосходительство, — докладывал Нежинов, лично вызванный к градоначальнику, — шестого ноября, то есть через шесть дней после убийства артистки Роцинской, — в доме 103 по Таврической улице снимает квартиру неизвестный человек, предъявивший паспорт французского гражданина Грульеа. Он ведет замкнутый образ жизни.

Живет без прислуги. Никто к нему не ходит.

Редко и он выходит из дома, на него давно уже стали обращать внимание соседи и дворники, но обратиться к содействию полиции поводов ни у кого не было. Эта тайна, окружавшая неизвестного жильца, может быть, долго еще была бы не раскрыта, если бы через два с половиной месяца он не заявил полиции, что его беспокоит какое-то привидение. Что было дальше, я уже докладывал вашему превосходительству... Когда пойманный человек в саване был показан горничной несчастной артистки, она узнала и его, и арестованного под именем Грульена. Ваше превосходительство, убийцы артистки Рощинской найдены...

УБИЙЦА, КОТОРЫЙ НЕ ПОМНИТ

Уголовная новелла

Илл. С. Плошинского

I

Я приезжаю в усадьбу

В полутьме большого кабинета со старинной черной мебелью, обитой кожей, я не сразу заметил доктора, и только когда сделал несколько шагов к столу, из-за него послышался резкий твердый голос:

— Ах, это вы, молодой челе век... Ну, здравствуйте...

В тоне приветствия не было той теплой нотки, с которой приветствуют приезжего, наоборот, в ней скрыто звучал холодноватый упрек, что вы нужны и вас слишком долго ждали.

— Сначала садитесь... Вот сюда.

Я послушно опустился на мягкое кресло, только сейчас почувствовав, как онемело тело от трехчасовой поездки со станции до имения доктора.

— Моя фамилия Медынин, — сказал он, так внимательно рассматривая меня, что я невольно опустил голову. — Вы, конечно, знаете, что я нашел вас по объявлению в газете, в котором вы просите дать хоть какую-нибудь работу. Так я вас понял?

— Так.

Он закурил папиросу и выпустил плотный сероватый клуб дыма, который на мгновение закрыл два сверлившие меня, пытающие взгляда.

— Вы голодали? — резко спросил он.

Этот вопрос был как-то слишком неожидан для меня, и я чувствовал, что немного покраснел.

— Да... почти, — тихо ответил я.

— Это хорошо, — почему-то задумавшись, произнес он, — это хорошо... Теперь вы хотите найти работу... Впрочем, что же я вас спрашиваю, это ясно само собой... Умеете вы вести корреспонденцию, свободно излагать на бумаге то, что нужно, писать под диктовку?..

— Умею... Я раньше работал в этой области... Мне так необходимо сейчас найти заработок, что я охотно буду очень-очень много работать...

— Работать особенно много не надо. Надо только, чтобы я остался вами доволен...

— Я постараюсь! — горячо вырвалось у меня. — Вы будете довольны.

— Ну?.. Это хорошо, — каким-то странным тоном произнес он.

Я приподнял голову и не мог не заметить пробежавшую по его губам какую-то нехорошую, жестокую улыбку.

— Ваше имя?

— Сергей Николаевич.

— Фамилия?

— Агнатов.

— Прекрасно... Итак, Сергей... Николаевич... так, кажется? Я вас задерживать больше не буду, — мягко сказал Медынин. — Вы мне передадите ваши бумаги, это уж мой порядок, и с этого дня вы у меня на службе. Я не беден и могу вам предложить те условия, какие захотите вы... Скажите мне — сколько?

— Позвольте мне сто, — робко попросил я.

— Сто? — с удивлением спросил он, и я чувствовал легкий, презрительный смешок, слышавшийся в этом вопросе, — я могу вам дать триста. Вы слышите?

— Спасибо...

— Сейчас вас отведут в нашу комнату и в течение целой недели я не допущу, чтобы вы хоть что-нибудь делали. Отдыхайте, ешьте, пейте и гуляйте... Вот обедать вам придется одному, потому что...

— Пожалуйста, пожалуйста, — перебил я Медынина.

— Дело в том, что я живу здесь... с женой и дочкой, маленькой девочкой... Мы еще не устроены совсем, хозяйства

нет... Вы понимаете? И кроме того, жена больна...

— Что с ней? — из вежливости спросил я.

— Ах, да ничего... Нервы... Она какая-то ненормальная, — с досадой почти вскрикнул он и, вдруг спохватившись, добавил с улыбкой: — Ну, идите, отдыхайте... До завтра...

Лакей, который встретил меня у ворот, проводил и в маленькую, уютную, со светлыми обоями комнатку наверху. Он почти не проронил ни одного слова и, только уходя, вежливо поклонился.

— Спокойной ночи. Если я вам понадобится, — позвоните.

И исчез. Так же молчаливо...

Усталость и тряская дорога взяли свое. Не раздеваясь, я прилег на маленькую кушетку и уснул крепким сном отдыха.

II

Женщина на террасе

Я не могу сказать, отчего я проснулся. Яркий лунный свет вливался через небольшое окно, и в комнате было светло, как днем. Когда я поднял голову, до меня слабо долетели какие-то неясные звуки — сначала тихие, заглушенные, потом все усиливаясь и усиливаясь — и я ясно разобрал тяжелое, надрывающееся рыдание.

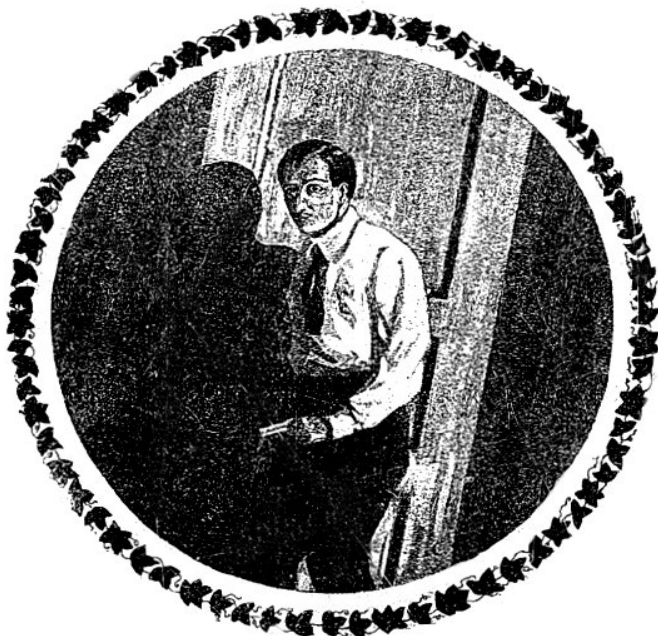
Судя по тембру голоса, это плакала женщина. Я вскочил с кушетки и стал прислушиваться.

Да, это плакала женщина... Было что-то безысходное и жуткое в этих переливающихся, сдерживаемых рыданиях, которые шли откуда-то снизу, почти под самым окном. Казалось, что, рыдая кто-то звал на помощь.

Я невольно вытащил из кармана маленький браунинг, подаренный мне при прощании одним из друзей, подошел к двери и толкнул ее.

Дверь была заперта снаружи!

Легкая дрожь пробежала у меня по телу. Я вспомнил этот неприятный огонек, бегавший в глазах у доктора Медынина, эту молчаливость лакея, а глухое рыданье вместе с нервующим лунным светом настойчиво лилось через открытое окно и било по вискам...

Я сильнее нажал на дверь. Она не поддавалась.

— Зачем меня заперли? — мелькнуло у меня в голове. Действительно, что могло угрожать в этом доме мне, бедняку, выгнанному студенту, у которого не было ни гроша денег, ни одной ценной вещи и которого здесь только из жалости и призывают... Этот отблеск логики немного успокоил меня, и я сосредоточенно стал думать о том, как отворить дверь.

— А ключи от дивана? — почти вслух вскрикнул я. Я стал пробовать целую связку и почувствовал, как невольно

обрадовался, когда один из ключей мелодично щелкнул в затворе и дверь с легким скрипом открылась.

Должно быть, этот скрип долетел до того места, откуда неслись рыдания, потому что они сразу утихли, но я притаялся, с силой сжав пальцы, и рыдания раздались снова...

Я снял ботинки и, осторожно ступая в носках, стал спускаться по витой лестнице, ведущей в мою комнату. Не скрипнула ни одна ступенька, и через минуту я был в какой-то комнате с дверью, выходявшей на террасу, и такой-же залитой лунным светом, как и моя.

С террасы и неслись рыдания. Вблизи они казались еще более скорбными и ужасными — в них было столько смертельной муки и отчаянного призыва, что я невольно, как вкопанный, остановился около двери на террасу и дрожащими руками схватился за косяк.

Наконец, я овладел собой и шагнул вперед. На самом конце террасы, выходявшей на чистый, пустынный двор, стояла женщина, положив руки на перила и опустив на них голову. На ней был легкий ночной капот, скрывавший маленькую хрупкую фигуру, которая бессильно вздрагивала и тряслась от заглушаемых всхлипываний.

Когда у меня под ногами слабо треснула половица, женщина подняла голову и посмотрела на меня. Я успел заметить в это мгновение, что у нее тонкое, какое-то прозрачное от бледности и лунного света лицо, черные большие глаза и такие же черные, с серебристым отливом волосы — но, когда я хотел подойти к ней, она в каком-то ужасе взмахнула руками, глаза ее широко раскрылись в порыве безумного страха, и она слабо вскрикнула.

— Послушайте, — дрожащим голосом сказал я, — послушайте...

Видимо, и она что-то хотела сказать мне, но внезапность моего появления или что-нибудь другое сдавило ей горло. Я видел, как шевелятся ее тонкие губы, но не слышал ни одного звука.

— Я, кажется, напугал вас, — мягко сказал я, — я извиняюсь...

— Уйдите, — сдавленным шепотом сказала она, немно-

го отодвигаясь назад, — что вам надо?..
— Я услышал ваш плач... Я думал...

— Кто вы?—тихо спросила она.
— Я только сегодня приехал сюда... Вам, наверное, говорил доктор...

И вдруг эти простые слова, которые, как мне показалось, должны были бы объяснить ей причину моего появления в доме, ударили ее, как раскаленным железом. Она выпрямилась, в глазах у нее появилось выражение загнанного зверька — зарница отчаяния, последней решимости и бесконечно-сверлящего страха.

— Убийца! — истерически хрипло вскрикнула она. — Убийца... Это доктор привел вас... Убийца...

Я вспомнил слова Медынина о ненормальности его жены. Сознание, что я сейчас ночью, вдвоем, на террасе этого молчаливого дома, с сумасшедшей, — холодком кольнуло сердце, и я сам испуганно посмотрел на нее.

Мы стояли друг против друга, оба полные одинаковым, волнующим каждого из нас, чувством.

— Ну, что же — бейте, бейте, — надорванно вскрикнула она, — бейте... Я больше не могу так жить... Я с ума здесь схожу у этого зверя... Лучше сразу смерть, чем эта проклятая пытка...

— Вы ошибаетесь... Подумайте, что вы говорите, — пробормотал я, — я пришел потому, что вы плакали...

— Это неправда, вы лжете!

— Клянусь вам... Честное слово! — вырвалось у меня. — Вы ошибаетесь...

— Тогда зачем вы здесь... В этой усадьбе, у Медынина... У этого убийцы, проклятой змеи...

— Он выписал меня из города на службу...

— Службу? — и мне показалось, что я в голосе ее услышал жуткий смех. — И сколько он зам заплатит за это дело?..

— За какое дело? За какое?..

— Ну, вот за это... Чтобы убить меня... Не притворяйтесь... Да не притворяйтесь вы, негодяй...

В эту минуту я не сомневался, что передо мной стоит сумасшедшая. И когда я снова взглянул на ее лицо, чтобы проверить себя, я увидел, как по щекам ее забегали слезы, а в глазах скользнули тени невыразимого отчаяния.

— Послушайте, — рыдая, сказала она, — послушайте меня...

И вдруг, откинув голову, она упала передо мной на колени и, протянув ко мне руки, зашептала.

— Послушайте... Вы такой молодой... У вас, наверное, есть мать, невеста... Зачем вы губите себя, свою совесть, свое будущее... Откажитесь от того, что он вам предлагал... Вам нужны деньги — я вам дам их — у меня есть много... Возьмите и уезжайте... А если я смогу вырваться отсюда, я найду вас там, на свободе, — и она махнула куда-то рукой, — я буду около вас ходить, как собака...

— Я ничего не понимаю, — сказал я, чувствуя, что у меня кружится голова от всего того, что я сейчас здесь увидел и услышал, на этой залитой яркой лунной террасе, — я ничего не понимаю... Кто же вы здесь?

— Кто я?.. Разве он еще не говорил вам, — и в ее вопросе я снова уловил тень подозрения, — вы притворяетесь...

— Доктор говорил, что здесь... его жена... это вы?..

— Жена этой гадины? — вскрикнула она. — Нет, нет, нет... У меня нет мужа, он убил его...

— Как? — холодея, спросил я — Доктор? Что вы говорите?.. Медынин убил вашего мужа?..

— Убил, убил, — глухо отозвалась она, — не сам... Но, — и она почти вплотную подошла ко мне, — он заставил его убить себя, как он, может быть, заставит и вас убить меня... Господи, спаси, спаси меня...

Я совершенно не владел собой. Эти слова, произносимые то истерическим шепотом, то вылетающие, как рыдания, спутывали сознание, как черная холодная паутина...

— Расскажите мне... Я боюсь... Я сам боюсь...

Она поднялась с пола и пытливо посмотрела мне в лицо.

— Может быть, вы, действительно, тоже только жертва этого зверя, — тихо произнесла она, — слушайте...

— Мама... Мамочка, — донесся вдруг до нас чей-то голос из соседней комнаты, — я боюсь... кто-то ходит...

— Иду, детка... Иду, — дрогнувшим голосом ответила женщина и, обернувшись на пороге, бросила мне: — Идите скорей к себе... завтра ночью я вызову вас... Прощайте... Он ходит по дому:..

Она быстро исчезла, и я, повинувшись безотчетному страху, так же крадучись, пробежал по витой лестнице в свою комнату, торопливо запер дверь своим ключом и положил его к себе.

Лицо у меня горело. Кровь прилиwała к вискам и сердце билось, как будто мне не хватало воздуха.

Кто эта женщина? Сумасшедшая, как говорил Медынин, и я по-мальчишески испугался этой необычной встречи с больной в лунную ночь, в незнакомом доме, окруженном лесом... Или...

Нет, я не допускал мысли, чтобы на расстоянии нескольких сот верст от большого города, в котором бьется трезвая, реальная жизнь, в усадьбе доктора Медынина гнездились какое-то свое, ужасное, непередаваемое преступление... Ну, конечно, эта женщина страдает манией преследования, она безнадежно больна... Завтра же я сам расспрошу об этом у Медынина...

Я начинал уже засыпать, немного успокоенный трезвым рассудком, когда сквозь сон до меня явственно долетели чьи-то осторожные, медленные шаги по моей винтовой лестнице. Кто-то осторожно подымался ко мне, подошел к двери, прислушался, и я уловил звук ключа, вставляемого в скважину...

Кто-то пробовал, заперта ли моя дверь...

— Кто тут? — громко спросил я. Никто не ответил. Та же тишина. Жуткая, давящая.

— Кто тут? — еще раз спросил я.

Снова тишина, — но в это мгновение я не увидел, а вернее, почувствовал, что из замочной скважины на меня направлен чей-то пристальный, холодный и упорный взгляд...

* * *

Я не ложился спать до самого утра. Какой может быть сон, когда все, что совершалось около меня, требовало разгадки, объяснения, а рассудок окончательно был сбит с

толку каждой случившейся мелочью? Утром молчаливый лакей позвал меня к Медынину.

Должно быть его, поразили моя бледность и измученный от бессонницы вид.

— Вы, кажется, плохо спали, — со скрытым беспокойством спросил он, — может быть, вам кто-нибудь мешал?

— Напротив, — с напускным равнодушием ответил я, — в доме так тихо... Я спал... Это просто с дороги...

— Ну и прекрасно... Вы любите охоту?

— Люблю... — я немного удивился от неожиданного перехода Медынина.

— Поедьте сейчас... Я вам покажу окрестности...

Мы взяли ружья со стены кабинета. На дворе уже дождалась легкая коляска, заранее поданная лакеем — больше я не видел в доме ни одного человека из прислуги.

— Николай! — крикнул Медынин. — К шести будем...

Мы поехали. Сидя рядом, я искоса наблюдал за Медыниным. У него было какое-то особенное лицо, о котором скорее всего можно было сказать, что оно идеально правильно. Точеный египетский профиль, живые, глубоко сидящие глаза и черная острая бородка, слегка загнутая вперед, — но то впечатление, которое от него оставалось, было какое-то неопределенное, не располагавшее к доктору. Казалось, что под кожей, под густой окраской губ и под зрачками расплылась и застыла одна жестокая, насмешливая улыбка.

Доктор был сегодня в хорошем настроении. Он острил и весело рассказывал мне о своих знакомствах здесь, в этой глуши, вспоминал что-то о своей жизни, и я чувствовал, что все мои ночные страхи тают и становятся совершенно объяснимыми. Мне захотелось рассеять до конца мои сомнения и я как будто вскользь сказал, разглядывая по сторонам зелень на дороге:

— Знаете, доктор, какое смешное обстоятельство... Я сегодня ночью хотел пройти к своему пальто, в переднюю... И, представьте, никак не мог открыть свою дверь...

— Ну? — насмешливо спросил он. — И что же? Добились?

— Добился, — как бы рассеянно бросил я — и обернулся к доктору. Я не мог не заметить страшного испуга, мелькнувшего в его глазах.

— Как же? — и он схватил меня за руку. — Вы выходили из комнаты?..

— Я пошутил, доктор.. Как же можно отворить дверь, которая заперта?..

— Вы ошиблись, — резко сказал он, — никто не мог запереть ее...

Он стал немного сдержаннее и суше. Мы слезли с экипажа, привязали лошадь к березке и пошли с ружьями по высокой траве... Странные ответы Медынина по поводу двери снова рождали во мне что-то похожее на жуткое любопытство, и я решил во чтобы то ни стало добиться разгадки вчерашней ночи.

— Я еще не представлен вашей жене, доктор, может быть, это моя невежливость?..

— Я вам сказал, что она больна, — сухо ответил Медынин.

— У нее нервное расстройство?..

Его, по-видимому, очень злили мои вопросы, потому что он нетерпеливо щелкнул пальцами и злобно ткнул ногой какой-то пенек.

— Она почти сумасшедшая... Я надеюсь, что здесь этот воздух и тишина помогут ей... Кроме этого, — враждебно добавил он, — почему это вас так интересует?

— Да так просто...

— Можно подумать, что вы меня в чем-то подозреваете, господин Агнатов... Уж не думаете ли вы, что я украл эту женщину? — тем же насмешливо-враждебным тоном спросил он.

— Помилуйте, — сказал я и невольно покраснел, — как же я могу...

Он, по-видимому, заметил мое смущение и злобно хрустнул пальцами.

— Все же лучше, если не будете видеть ее... Она будет рассказывать вам разные небылицы, говорить о каком-то муже, о смерти...

Несколько минут мы шли молча.. Вдруг Медынин остановился и, круто повернувшись, зашагал к оставленной поезде.

— Надоело, — кинул он на ходу, — ничего не видно. Едемте домой. Будем работать...

Я повиновался, и мы быстро поехали домой.

Дома он позвал меня в кабинет.

— Можете вы сейчас работать? Вы не устали?..

— Нет, нет... Пожалуйста...

Мы сели писать какие-то деловые письма о каких-то лесах и кирпичах. Когда было написано шесть или семь писем, Медынин улыбнулся и спросил:

— Ну, а под диктовку писать умеете? Если да, то мы сейчас займемся литературой...

Я удивленно поднял на него глаза.

— Вы удивляетесь... Что же делать здесь, в этой глуши, отдыхающему человеку, как не писать роман... Вы тоже, наверное, когда-нибудь грешили этим?..

Я вспомнил давно брошенные дневники и жалкие юношеские стихи и немного покраснел.

— Ну так вот, я почти уже заканчиваю целый роман... С преступлениями, с кражами...

— И с убийствами? — с улыбкой спросил я.

Он вздрогнул, не уловив тона вопроса. Потом добавил:

— Ну конечно... Ну-с, я буду говорить, а вы записывайте...

— Разве мы на этой же почтовой бумаге будем писать?

— Да, — сухо ватно ответил он, — я люблю этот формат.

Он стал диктовать, а я, торопясь и волнуясь, записывал его сухие, короткие фразы. Какой-то преступник, герой его романа, писал своей возлюбленной о том, что он хочет кого-то зарезать, потом извещал ее, что преступление совершено; какие-то брильянты, какая-то кровь и загадочные исчезновения — словом, все, что должно улащать бульварные романы... Меня ни капли все это не заинтересовало, и только, стараясь не пропустить ни одной из коротких фраз Медынина, я думал о том, как можно в чем-то подозревать, искать чего-то загадочного в этом одиноком самодуре, ко-

торый платит такие деньги и тратит время на писанье ерунды...

Если бы я знал раньше, что может получиться из того, что мне казалось не заслуживающим внимания...

Когда мы кончили писать, Медынин отпустил меня к себе. Совсем уже подходя к своей комнате, я вспомнил, что забыл на одном из писем написать адрес, и вернулся назад.

Медынина в кабинете не было. Я подошел к столу и стал искать письма — их не было там. Я заглянул в корзину под столом.

Все, что я сейчас в течение трех часов писал с доктором, все это лежало изорванное на мелкие клочки. И только под пресс-папье на столе лежали два листка бумаги, исписанные моим почерком; случайно я заметил, что это из продиктованного романа, на одном из НИХ было моей же рукой помечено: страница 13-я, на другом: 17.

— Зачем это? — тревожно мелькнуло у меня в голове. — Зачем он разорвал все, что мы с ним писали? Неужели все это делалось только для того, чтобы в чем-то обмануть меня? Значит, я нужен здесь для чего-то другого? Для чего?..

Я осторожно ушел к себе.

Вечером я не хотел ложиться спать, но вспомнил о вчерашнем запирании и лег, не раздеваясь, натянув до глаз одеяло. Около часа ночи у двери раздались те же тихие, осторожные шаги, и я снова почувствовал, что меня рассматривают. Я задышал сильнее, чтобы показаться уснувшим давно. Несколько минут продолжалось тягучее молчание, потом снова послышались шаркающие медленные шаги, на этот раз уже от двери, и я, быстро вскочив, нажал дверную ручку.

И на эту ночь я оказался запертым..

Я решил ждать. Ночь надвигалась совершенно темная, грозившая подплывающими черными дождевыми тучами. Где-то на горизонте вспыхивали далекие, слабые молнии.

Нервы, измученные за эти два дня, заставляли меня прислушиваться к каждому шороху, к каждому крику совы, доносившемуся из леса, и к писку возившихся под полом крыс.

Запертый в маленькой комнатке этого затерянного в лесу дома, среди незнакомых мне людей, я не знал, кого звать на помощь, а главное — нужно ли это... Бежать или оставаться здесь ждать, что будет дальше? Я уверял себя, что день слишком ясно показал, что, несмотря на странность доктора, ни мне, ни кому-либо другому здесь ничто не угрожало, но что-то другое, какая-то внутренняя жуть заставляла меня дрожать всем телом и сжимать в кармане маленький браунинг.

Не помню, сколько времени просидел я на кровати, не в силах оторвать взгляда от замочной скважины, которая смотрела на меня, как змея, своим пустым отверстием, как вдруг под окном, немного ниже, кто-то постучал, судя по стуку, палкой.

— Спите? — услышал я тихий голос, заставивший меня вздрогнуть: это говорила женщина, которую я видел вчера.

— Нет, — так же тихо ответил я.

— Тогда приходите сюда.

Идти ли? Если она сумасшедшая, я поступаю, как мальчишка, подвергая себя риску провести такую же тяжелую ночь, как вчера, если же нет... Ну, конечно, нет, если опять кто-то запирает двери, если кто-то следил за мной... пойду... Теперь я уже знал, как надо открывать дверь. Я нащупал спрятанный у меня в боковом кармане ключ, открыл дверь и, как вчера, оглядываясь по сторонам, прошел на террасу.

Женщина ждала уже меня там...

Увидев меня, она подбежала и горячо пожала руку.

— Спасибо, спасибо, что пришли... Здесь можно говорить... Он у себя, в своей комнате... Проклятая комната... Если бы весь этот дом кто-нибудь сжег...

Я нагнулся с террасы и посмотрел. Весь дом спал, и только одно окно было освещено красноватым, мутным светом — окно кабинета Медынина. На фоне темной стены дома, среди ночной тьмы и тишины, оно казалось окровавленным мутным глазом, подсматривающим за ночью. Должно быть, и на меня оно действовало так же, как и на эту женщину — я вздрогнул и отвернулся.

— Вы разговаривали сегодня... с ним?

— Да.

— Он говорил вам обо мне? — в тоне ее вопросов было что-то властное и настойчивое.

— Да

— Что же он вам говорил... Говорите, ради Бога... Он говорил, что я сумасшедшая? Да? Ну, да?.. Отвечайте же!

— Да.

— Ну, конечно... — и она улыбнулась так горько, что не сознаваемая, непонятная жалость кольнула сердце, — если бы это было так... Ну, а вы верите этому? Вы сами...

Теперь, находясь рядом с ней, я не знал, что думать. Предо мной стоял совершенно здоровый человек, убитый только одной навязчивой опасностью и страшными догадками, которые эти два дня повисли и надо мной.

— Нет...Я не верю...

Она с благодарностью взглянула на меня.

— Спасибо...Мне легче от этого...Ведь я одна здесь...

— А ваша дочь?.. — спросил я.

Что-то конвульсивное пробежало по ее лицу, и она закрыла глаза руками.

— Девочка... Бедная девочка, — прошептала она, — неужели этот зверь убьет и ее... Господи..

— Да говорите же! — почти вскрикнул я.

[Ш]

Она начала рассказывать. За эти пять минут, пока я слушал ее, много мыслей промелькнуло у меня в голове, но теперь, после всего, что произошло со мной после, со стыдом я должен сознаться, что главная мысль была та, что предо мной сумасшедшая, и я совершаю преступление, заставляя ее рассудок напрягаться и мучиться...

— Около двух лет тому назад моему мужу в Петербург приехал его дальний родственник. Меня сразу не расположила к себе его манера то льстиво соглашаться с мужем, то

то враждебная и злая насмешка в его словах, в разговоре... Но я очень любила мужа и даже, если бы что-нибудь и заметила, все равно не стала его огорчать. «Медынин, — сказал как-то муж, — мой дальний родственник по отцу. Он скоро уедет, а пока он у нас — относись к нему теплее; он умный и чуткий человек, а главное, совершенно одинокий...» Медынин стал бывать у нас чаще. Не знаю почему, может быть, это чисто женская предрасположенность, но у меня как-то щемило сердце, когда я уезжала и оставляла их вдвоем.... Медынин часто уводил мужа в кабинет, и там они о чем-то долго и горячо совещались. На мои вопросы муж говорил, что они затевают какое-то коммерческое дело... В первый раз я не верила мужу, у которого от меня до этого времени не было никаких тайн. Меня начало еще сильнее беспокоить, когда я заметила, что после этих бесед с мужем творится что-то неладное. Веселый и жизнерадостный до разговора с Медыниным, из кабинета муж возвращался какой-то странный. У него появился особенный, чисто болезненный мутный взгляд, он становился настолько рассеянным, что переставал подолгу отвечать на мои вопросы, а ночью, плохо засыпая, кричал и метался, отмахиваясь от кого-то руками. Если бы это был чужой человек, не скрою, мне было бы просто страшно оставаться с ним, но, поймите, ведь это свой, близкий, родной человек... Я сама начала мучиться за него. Целый день он ходил, как совершенно здоровый человек, но к вечеру, когда раздавался звонок Медынина, он вздрагивал, как будто ему становилось холодно... Я пробовала его увозить — он рвался в Петербург, не спал по ночам и худел... И вот, в один день, когда я вернулась с прогулки домой, мужа не было дома. Прислуга сказала, что он уехал с Медыниным. Коротенькая записка мужа извещала меня, что он уехал к нотариусу с Медыниным заключать какой-то контракт. Я позвонила к нотариусу — действительно, они были там... Вернулись поздно вечером и сразу прошли в кабинет. Я взглянула на лицо мужа — и с ужасом закрыла глаза. Мне казалось, что он двигается во сне, до такой степени он был бледен и беспомощен. Мы с мужем прожили двенадцать лет, и до этого

дня я никогда не видела его таком состоянии... О чем они говорили в этот вечер, я тоже не знаю: я лежала у себя на кровати и грызла подушку, чтобы и разрыдаться. Уходил Медынин тоже бледный, руки у него, когда он уходил, дрожали... Я позвала мою дочку Валю, и мы вошли в кабинет. Муж сидел за столом и посмотрел на нас невидящими затуманенными глазами. «Уйдите, — сказал он, — мне надо побыть одному». Валя заплакала — она привыкла, что отец всегда ласкал ее. Мы ушли. Я промучилась целую ночь одна, а когда я под утро снова вошла в кабинет, муж сидел в том же положении... «Ты спишь?» — спросила я. Он ничего не ответил. Я подошла к нему и положила ему руку на плечо — он не шевельнулся. Я заглянула ему в глаза и поняла — он умер...

Она остановилась, на минуту замолчала. По щеке прокатилась слезинка.

— Днем приехал Медынин. Я заметила, как у него хищно горели глаза... «Что с ним?» — холодно спросил он о муже. Я с отвращением отвернулась от него и заплакала. «Умер?» — «Да...» Он сделал попытку показать огорчение, но я чувствовала, как на губах у его пробежала скрытая улыбка. «Я сейчас позову врачей!» — сказал он и позвонил куда-то по телефону. Приехали два врача и почему-то слишком поспешно констатировали разрыв сердца. Я чувствовала, понимаете, чувствовала, что и они лгали. Все это я помню смутно, потому что ничего не понимала от горя... Медынин отозвал меня в сторону и что-то долго говорил о завещании. Оказалось, что муж оставил у нотариуса завещание, по которому все его состояние, около двух миллионов, переходит ко мне и моей дочери Вале, а после нашей смерти к его родственнику Медынину. «Но ведь он самоубийца, — закричала я, — какое же завещание?!..» Медынин взял меня за руку и твердо сказал: «Он умер естественной смертью, вы слышите это?..» Тогда, не помня себя, я закричала еще сильнее: «Он убит, убит! И вы убили его, убийца...» Медынин засмеялся и сказал, что у него в руках свидетельство двух врачей... «Они подкуплены», — сказала я. «Докажите! — со злобной усмешкой бросил он, — да кроме

этого, что мне за польза... Ведь вы *пока* живы...» Я не забуду этого тона, каким было сказано это «пока»... Я осталась одна в городе, где у меня не было ни души...

— Как же вы попали сюда? — перебил я ее.

Она, как будто не понимая меня, посмотрела куда то в сторону и ответила:

— Я и сама не могу простить себе этого... Недавно я стала получать от Медынина письма, в которых он умолял меня отказаться от моих слов, что он убийца моего мужа; он умолял меня приехать с Валея к нему в имение, чтобы я отдохнула после всех тревог и убедилась, что он мой друг. Тем более, что он был назначен опекуном Вали... Я послушалась и поехала.. Боже мой, как я раскаиваюсь... Каждый день я чувствую, что за мной следят, что добиваются моей и Валиной смерти, которая кому-то нужна... Медынин стал мне еще страшнее и отвратительнее...

— Может быть, вам кажется, — неуверенно сказал я, — вы обвиняете Медынина в смерти мужа и поэтому...

— Кажется, — печально покачала она головой, — так зачем же он держит меня и мою девочку взаперти, почему он выдает меня за сумасшедшую, почему он пригласил вас...

— Как — меня? — дрогнувшим голосом спросил я. — При чем я...

— Вы с ним не оставались вдвоем? — резко спросила она. — В той комнате... Вот в той, где огонь...

— Нет...

— Он вам ничего не говорил... Бедняга... — и она посмотрела на меня тем теплым и сожалеющим взглядом, какие я, наверное, не раз бросал на нее во время ее рассказа. — Неужели еще вас он замучает, как того...

— Кого? — спросил я, оглядываясь по сторонам.

— Того... Прежнего... — Она наклонилась ко мне и, сбавив голос, проговорила: — Он до вас выписал из города одного человека, такого же молодого, как вы... По целым часам он сидел с ним вдвоем, а ночью его незаметно заперал...

Я вздрогнул.

— Как, и вас уже запирает? — спросила она. — Я видела, как тем человеком овладевает такое же состояние, как моим мужем... Он часто ночью подходил к моей двери, стоял около нее... Днем он ходил измученный и бледный, а один раз, когда Медынина не было дома, он убежал совсем... я знаю, я слишком хорошо догадываюсь, что говорил ему Медынин... Бегите и вы... Бегите — вы спасете себя... А может быть, и нас с Валей...

Красное окно потухло.

— Идите скорей, он идет, — шепнула она, — прощайте... Ради Бога, не оставайтесь с ним долго в той комнате... Идите...

В ту минуту, когда я возвращался в свою комнату, я был как в бреду... Я ничего не понимал, сбитый с толку рассказом этой женщины.. Ведь если она не сумасшедшая — это ужас...

Первое, что я увидел, когда вернулся в свою комнату — это была опрокинутая кем-то в темноте вазочка с цветами.

Связка ключей, вместе с тем, которым я открыл дверь, исчезла. Нащупывая рукой в темноте, я заметил, что со стола пропал мой браунинг.

В комнате без *меня* кто-то был.

Было уже около восьми часов вечера, когда Николай вошел ко мне и сказал, что меня ждет Медынин. Я чувствовал, что немного побледнел, когда услышал это распоряжение. Не мог же я нелепо отказаться от этого, раз меня звал мой хозяин, пойти к которому я обязан, тем более, что у меня не было причин для отказа, но что-то подсказывало мне отговориться и остаться здесь в, комнате. Все-таки я пересилил себя и пошел.

Медынин внимательно посмотрел на меня и показал на стул. Я сел. Он продолжал рассматривать меня, не говоря ни слова. Несколько минут длилось это молчание, более страшное, чем самые жуткие слова, которые я мог услышать от Медынина.

— Вы меня звали? — спросил я, чтобы скорей нарушить тишину.

— Да, — и он снова посмотрел на меня злыми, холодными глазами. — Вы вчера ночью разговаривали с моей женой?

Я понял, что, очевидно, он видел нас, и не захотел лгать.

— Да. Я разговаривал.

Он погладил бороду и закурил папиросу.

— Вы не курите? Хорошо...Скажите, вчера очень темная была ночь?...

«Что сказать?» — подумал я, смутно догадываясь, что он хочет переменить тему разговора.

— Да. Темная.

— Но лицо вы заметили хорошо?

— Да, хорошо... Почему вы меня спрашиваете?

— Может быть, вам это неприятно? — насмешливо спросил Медынин.

— Пожалуйста... Почему же... У вашей жены очень интересное лицо, одно из тех, которые редко встречаются... Я бы узнал его из тысячи лиц...

— Ага, — почему-то радостно вырвалось у Медынина, — это хорошо...

Я пожал плечами.

— А дочку мою видели?

— Нет, не видел.

— Она живет рядом с ней. В ее комнату есть дверь из спальни жены, — методически отчеканивая каждое слово, сказал Медынин.

Я хотел сейчас уловить в его тоне насмешку, но не мог. Он говорил это серьезно, таким тоном, каким объясняют дорогу.

— Что вы сейчас делали? Вы не заняты?..

Я отрицательно покачал головой.

— Тогда, может быть, мы пойдем в гостиную... Мне хотелось бы с вами поболтать... Тем более, что одному такая скука... Пожалуйста.

Он встал с кресла и отворил дверь в соседнюю комнату. Мягкий, прозрачный красный свет густой волной хлынул оттуда.

Я вошел и с невольным чувством восхищения осмотрел каждую вещь, которую заметил мой глаз. Я не мог предполагать, что доктор Медынин мог быть таким эстетом и любителем роскоши. Он представлялся мне человеком, привыкшим к сухому и деловому тону своего кабинета, но все, что я увидел здесь, говорило как раз противоположное. Это была громадная комната с аркой, завешенной тяжелыми малиновыми портьерами, и убранная в чисто восточном стиле. И пол, и стены были обиты красными, пушистыми коврами; такого же цвета диваны и кресла были расставлены по стенам, а в середине стоял стол, на котором я заметил две каких-то восточных чаши и два розоватых кальяна. С потолка спускались на цепочках три лампы шарообразной формы из стекла рубинового цвета.

— Ну что — нравится? — спросил Медынин.

— Очень, — искренне сказал я, — очень хорошо!..

— Здесь я отдыхаю... Я сделал все красного цвета, потому что он успокаивающе действует на нервы... Здесь так приятно забыться — ничто не напоминает о том, что рядом кабинет, столовая, коридоры с их противным, желтым, раздражающим светом...

Пока Медынин говорил это, я попытался проверить справедливость его слов; должен сознаться, что эта багровая окраска всего производила на меня совершенно другое впечатление. Потоки красного света из ламп как-то давили мозг, а тени от вещей и от нас не были резкими на красном фоне мебели и стен, а колыхались мертвыми, расплывчатыми пятнами. Было что-то тревожное в этом красном воздухе, и это впечатление еще более усилилось, когда я случайно взглянул на хрустальные графины с водой: красный цвет фантастически окрашивал их и, когда Медынин нечаянно толкнул один из них, мне показалось, что там как будто колыхнулась кровь...

Медынин показал мне рукой на диван, а сам встал около портьера и играл цепочкой. Я не могу забыть его сухой, гибкой фигуры в черном, наглухо застегнутом сюртуке, и бледного лица с черными горящими глазами... Когда я опустился на мягкие подушки, с этого момента его глаза ни на

секунду не отрывались от меня. Переходил ли он на другое место, менял ли ногу — наши глаза не отрывались друг от друга. Красный свет воспляял глаза — временами мне хотелось их закрыть, но немеркнувший, сверкающий взгляд Медынина мучительно тянул к себе.

— Хотите, я заведу музыкальный ящик?..

Не дожидаясь ответа, он протянул руку куда-то за портьеру и щелкнул пружинкой. Металлически звякнуло что-то, и через секунду, точно заглушаемая чем-то мягким и тяжелым, из-за портьеры раздалась нежная, самая нежная, какую я когда-нибудь слышал, мелодия, напоминающая не то восточную, не то заунывную, мертвенно-покойную русскую песню. Звуки то замирали, как бы уходя куда-то, то раздавались сильнее и мелодичнее. Ими, как красным светом, наполнилась вся комната. Не отрываясь от меня взглядом, Медынин сказал:

— Не правда ли — красиво?

— Да, — беззвучно прошептал я, не чувствуя своего голоса.

— Я сейчас брошу ароматичные травы... Это большое наслаждение...

Он бросил что-то в вазы на столе — оттуда вспыхнули языки синего огня и прозрачный, белый дымок тоненькими колечками стал расползаться по всей комнате. Скоро каждая частица воздуха наполнилась пряным и нервирующим ароматом этого дыма... Я почти не видел Медынина, чувствуя только на себе его тяжелый, властный взгляд.

Мысли путались в мозгу. Казалось, что красный свет, дрожащие ноты и терпкий аромат курений входят в каждую частицу тела, входят в меня — а предо мною только одни блуждающие, с лихорадочно увеличенными зрачками глаза Медынина... Они становятся все больше, больше, идут ко мне ближе, надвигаются, как стена, готовы раздавить меня...

Я хочу что-то сказать, но язык не повинуется мне, хочу протянуть по направлению к надвигающимся глазам руки, но чувствую, что руки одеревенели и я не в силах оторвать их от подушек...

Вот глаза еще, еще ближе... Сейчас они тоже войдут в меня, я утону в этом пламени черных зрачков... Я делаю последнюю попытку сорвать с себя этот кошмар... я чувствую, что засыпаю...

Дальше я ничего не помню.

* * *

Проснулся я у себя в комнате от какого-то грохота и грубых голосов внизу. Кто-то бегал по коридору и по комнатам и прыгал. В окошко лился слабый свет я — сейчас же догадался, что утро. Я вскочил с постели и стал слушать — до меня долетели чьи-то чужие голоса и какая-то возня под моей комнатой.

Голова у меня была тяжелая, всего шатало, как будто я перенес тяжелую дорогу... Чувствуя, что внизу творится что-то неожиданное, я инстинктивно бросился по своей лестнице и почти вбежал в кабинет Медынина.

Несмотря на ранний час, Медынин был одет, а за столом у него сидел какой-то человек в форменной фуражке и что-то записывал.

— Становой, — мелькнуло у меня в голове, — должно быть, несчастье...

И, остановившись в дверях, я почти закричал:

— Что такое?..

Увидев меня, Медынин вздрогнул и толкнул человека в фуражке.

— Ради Бога... Что такое? — повторил я вопрос.

— Сегодня ночью, — ледяным голосом сказал Медынин, — у меня в доме произошло убийство...

— Кто? — хрипло сказал я, хватаясь за косяк.

— Убита дама, которая кила под вами...

Я чувствовал, что еще одна секунда и я закричу от того ужаса, которым жгло каждое его слово.

— Кто убил... кто убийца? — и я почти вплотную подбежал к становому, который в страхе приподнялся с кресла.

— Убийца? — тем же тоном спросил Медынин. — Посмотрите на свои руки и одежду, молодой человек..

Я взглянул и почти без памяти свалился на истоптанный грязными ногами пол: *правая рука у меня была, как в перчатке, измазанная подсохшей кровью, а на брюках и домашней тужурке чернели багровые, еще сыроватые пятна...*

Очнулся я от какого-то холодного прикосновения: надо мной стояли два стражника, а один из них брызгал в лицо водой.

Двое других стояли около дверей. За столом по-прежнему сидел становой, а сзади него, прислонясь к окну, не сводил с меня глаз Медынин.

— Очнулся? — долетел до меня чей-то голос.

— Очнулся... Сейчас сядет.

Меня посадили на стул и становой усталым, сухим голосом спросил:

— Ну... что же можете сказать?.. Кровь-то у вас откуда?..

— Не знаю, — слабо ответил я, — ничего не знаю...

— Гм... Странно, что вы не знаете, — насмешливо отозвался Медынин, — какая у вас плохая память...

— Вы... вы — убийца, — собрав все силы, возмущенно крикнул я, — она говорила мне...

— А, — так вы с ней были знакомы? — с любопытством спросил становой.

— Да... Случайно... За две ночи до этого...

— А где она жила... то есть, в какой комнате — вы знали?..

— Нет... Не знал...

Медынин снова насмешливо посмотрел на меня.

— А где бриллианты убитой, вы тоже не знаете?..

— Какие бриллианты? — истерически вырвалось у меня.

— Ничего я не знаю... Что вы меня мучаете?..

— Вы вредите себе, — резко вставил становой, — те самые бриллианты я нашел у вас, около вашей комнаты, под лестницей...

— Это неправда, — горячо сказал я, — я не брал...

— Ну, конечно, — едко поддакнул Медынин... — Разве можно упомнить такую мелочь...

— А вы, господин Медынин, — спросил становой, — были в комнате после убийства?..

— Нет, нет, — торопливо возразил Медынин, — я не смог бы смотреть на трупы этой женщины и девочки...

— Какой девочки? — изумленно спросил становой.

— Как какой? — и Медынин побледнел. — Той, которую убил этот... ну, которую убили...

— Там девочки нет, — смущенно покачал головой становой, — там только один труп...

— Значит, она убежала? — дико вскрикнул Медынин. — Этого не может быть! — и вдруг, точно спохватившись, он сдержал свой порыв и совершенно другим тоном сказал: — Бедное дитя... Она, наверное, где-нибудь близко от дома... Я верну ее...

И он быстро вышел из комнаты, резко хлопнув дверь; я услышал его шаги — вдоль по коридору, потом по лестнице к моей комнате.

Становой велел привести Николая. Пока его не было в комнате, я успел заметить через окно кабинета, как Медынин с чем-то в руках выбежал на двор, добежал до заборной калитки и исчез в соседнем лесу...

Я даже не заметил, как вошел Николай. Он весь трясся от страха и был бледен, как полотно, но ни в этой бледности, ни в страхе я не заметил ни одной тени виноватости и лихорадочно ждал, что он скажет. Как же должны были подействовать на меня его слова, когда он, шатаясь, подошел к письменному столу и, обернувшись ко мне, пробормотал:

— Они вот убили... Они, они... Сам видел...

— Николай, — вскрикнул я, — Николай...

— Замолчите, — строго сказал становой, — говорите вы, я слушаю... Только по порядку, не сбивайтесь...

— Часа в три я вышел па двор заложить лошадь... Слышу вдруг, кто-то на террасе точно разговаривает. Смотрю, а вот они стоят около перил и в окошко из барыниной комнаты лезут... Дверь-то у них заперта бывает... Думаю, может,

с барыней разговаривает через окно — только и окно-то приперто. Так будто с воздухом разговаривает... Ночь светлая, — все видно... Почудилось мне, что у дверей-то другой кто-то стоит... Смотрю, раскрыл он осторожно окно, влез в него... Вдруг думаю, может, ошибся я — не они это, а жулик... Подбежал, вбегаю в дом и слышу крик, как будто давят кого... Вбежал в коридор, подождал, смотрю, а они вот из барыниной комнаты выходят... Думаю, войти надо, а потом сомнение взяло, — вдруг, думаю, может, условлено у них было, а я только шума наделаю... Да и тихо все стало... Постоял и ушел...

— Скажи, голубчик, — отрываясь от бумаги, спросил становой, — часто ты ночью запрягаешь лошадей?

— Да не приходилось так раненько, — подумав, отвечал Николай, — все больше к шести или к семи...

— А кто тебе велел?

— Да господин доктор приказывали... Запряги, говорит, сегодня лошадку ночью... Барыне худо что-то... как бы, говорит, с рассветом не пришлось за доктором съездить...

— А что... барыня-то хворала это время?..

— Да, нет, кажется, что и незаметно было...

Становой, как будто отгоня какую-то мысль, искоса посмотрел на меня.

— А что, скажи, голубчик, верно, ты помнишь, как он из комнаты выходил? В руках-то у него ничего не было?..

— Да нет, это уж верно помню...

— Так, так... Где бриллианты-то нашли? — обратился становой к одному из стражников.

— У комнаты вот ихней, — кивнул на меня стражник, — бриллианты-то под лестницей, около комнаты, а топор под кроватью...

Становой снова искоса посмотрел на меня. Я заметил, что он как-то растерянно улыбнулся...

Дверь резко отворилась, и вошел Медынин. Я, за время нашего короткого знакомства, никогда не видел его таким взволнованным. Костюм его был в плачевном виде, и на колениках были видны следы мокрой земли, точно он полз сейчас по траве.

— Нашли кого? — спросил становой.

— Нет, — холодно ответил он, — девочка убежала...

Через несколько минут четверо стражников, становой и я выходили из ворот. Я еле мог двигаться и меня поддерживал один из стражников. Когда за мной должны были хлопнуться ворота, я со смертельным отчаянием оглянулся назад: в окне своего кабинета стоял Медынин и улыбался вам вслед своей злобной, жуткой улыбкой.

— Свернем по лесу, — сказал становой, — здесь ближе.

Мы пошли по какой-то лесной тропке, а когда хотели свернуть на другую, шагах в ста от усадьбы, передний стражник наклонился к земле и поднял какую-то вещь.

— Топор? — вскрикнул становой. — Черт возьми, да ведь это тот самый...

Он схватил его у стражника. Самый обыкновенный топор — только на лезвии его засохли те же бурые кровавые пятна, как и на моей одежде.

— Этот топор? — спросил он, вплотную подходя ко мне.

— Не знаю, — отмахнулся я рукой. — Богом клянусь, не знаю...

— Как он сюда попал? — вполголоса сказал становой. — Ничего не понимаю... Ты где его нашел, Семенов? — обратился он к одному из стражников, — там... дома?..

— Вот в ихней комнате, — ответил стражник, показывая на меня, — когда они при вас были... Без памяти лежали, водой отливали их, а меня наверх вы послали...

— Значит, он в это время не мог быть в комнате?

— Куда им... Они и пальцем не пошевелили, когда я вернулся...

Становой изумленно пожал плечами...

— Ничего не понимаю, — снова пробормотал он и, как бы стесняясь вырвавшейся фразы, прикрикнул на стражников, — ну вы, тоже... Поровнее идите... Убийцу ведете...

Только сейчас это сознание, куда и за что меня ведут, кольнуло с ужасной болью сердце...

Да, стражники вели убийцу, который не помнил, совершил ли он убийство или нет...

[IV]

Если бы я сознательно убил хотя бы злобного врага, у меня не хватило бы силы описать то чувство, какое испытывал бы я, сидя здесь, в тесной, жуткой, тихой камере тюрьмы... Можно ли требовать от меня, чтобы я описывал здесь мое состояние, когда я ничего не помню об убийстве, в то время, как в мозгу все время одна за другой шевелятся картины, предшествующие тому ужасу, в котором меня обвиняют, а, главное, еще до сих пор я вижу кровь на своих руках и на одежде, замененной теперь арестантским халатом — относительно одежды тюремная администрация распорядилась заранее, не дожидаясь приговора... Вот уже около месяца я в тюрьме, подавленный, разбитый, ничего не сознающий, что произошло и что будет дальше — близкий к тому, чтобы разбить голову о каменную облупившуюся стену...

Поэтому буду говорить здесь не о том, что я переживал, а только о том, что происходило. Отрывочно, может быть, так же растерянно, как было растеряно мое сознание, но постараюсь не упустить ни одного факта.

Вчера меня вызывал к себе следователь.

— Расскажите все по порядку.

Я рассказал все, стараясь не забыть самых мельчайших подробностей о том, как запиралась комната, о разговоре с этой женщиной, о самом Медынине... Когда следователь выслушал меня, я чувствовал, что мой спутанный рассказ не произвел на него того впечатления, какое я хотел достичь полной откровенностью.

— Скажите, — немного иронически спросил он, когда я дошел до рассказа о красной комнате Медынина, — вы не страдали галлюцинациями?..

— Я сейчас начинаю страдать ими, — горько вырвалось у меня, — поймите... Ведь это бред... Это кошмар какой-то, вся эта история...

Следователь порывлся в каких-то бумагах и вынул два листка почтовой бумаги, исписанных моим почерком.

«Роман! — мелькнуло у меня в голове. — Роман, который диктовал Медынин».

— Это ваша рука?

— Моя.

— Вы помните, что здесь написано?..

— Нет, — искренне сказал я.

— Хорошо, тогда я прочту вам, — с недоверием посмотрев на меня, предложил следователь, — вот отрывок из одного письма... «Дорогая... Теперь этой жизни с погоней за куском хлеба — конец. Я сознательно решился на преступление. Что из того, если эта никому не нужная женщина умрет, когда из-за этого может возникнуть наше большое и долгое счастье. Ее бриллианты помогут нам бежать за границу, где мы будем в безопасности... Подожду до завтра...» Вами написано?..

— Мной, — глухо ответил я, — только...

— Вы это скажете потом. Желаете прослушать второй отрывок?

— Читайте...

— Этот еще меньше... «Руки у меня в крови, я боюсь испачкать бумагу, но все же пишу тебе, родная. Все кончено, брильянты у меня и завтра я еду к тебе. Прощай, пока...» Рука та же, как и на той записке, которую вы признали. Обе эти записки Медынин передал становому приставу; он нашел их у вас на столе... Что вы можете сказать по этому поводу?

— Ничего, ничего, — почти в бешенстве крикнул я, сдерживаясь во время чтения, — кроме того, что Медынин убийца, проклятый убийца... Он меня заставил написать это... Я расскажу вам...

Я передал следователю, как мы писали роман.

— Но позвольте... Ведь это же почтовая бумага, — сказал он, — ведь это же написано с обращением, — это письма!

— Это проклятая подделка... Он изорвал все остальное, а это оставил...

— Значит, вы заявляете, что это не письма?

— Да...

— Хорошо, — пожал плечами следователь, — что же вы скажете относительно бриллиантов, которые нашли около вашей комнаты?

— Не знаю.

— Относительно показания лакея, который видел вас влезаящим в комнату убитой?

— Не знаю.

— Ну, наконец, относительно крови, которой вы были обрызганы?

— Не знаю, не знаю, не знаю...

Следователь поднял на меня изумленные глаза.

— Ваше заперительство наводит на мысль о сообщнике, но следствие совершенно отрицает это... Больше у меня нет вопросов... — и вдруг его голос немного дрогнул, — послушайте, — мягко сказал он, — знаете ли вы, в каком положении дело? Ведь против вас говорят все улики... Нет ничего, что бы оправдывало вас... Я совершаю преступление, что так разговариваю с вами, но я сам не знаю — убийца вы или нет... Мне в первый раз в жизни приходится иметь дело с таким преступлением, где все факты говорят одно, а между тем, здесь есть что-то недосказанное, что может все перевернуть вверх дном...

— Спасибо, — проговорил я, чувствуя, что по лицу катятся слезы, — спасибо... Я Богом клянусь, что ничего не знаю, ничего не помню... Я никого никогда не хотел убивать... Это убил Медынин... Это он меня заставил... Вот эти письма... Да я же вспомнил, вспомнил, — крикнул я, вскакивая со стула, — я покажу, откуда эти письма...

Несмотря на тревогу, мелькнувшую в глазах следователя, я схватил эти два листка почтовой бумаги и приставил их к оконному стеклу. На каждом листке справа наверху было по желтому бледному пятнышку..

— Вы видите это?..

— Вижу... вижу... Что же тут особенного...

— Зажгите спичку... Я прошу вас.

Когда огонь приблизился к пятнышку на первой бумажке, оно побурело и на его фоне выступила трудно уловимыми штрихами цифра: 14. На другой бумажке появилось 17.

— Цифры? — спросил следователь.

— Да, — радостно ответил я, — страницы романа, откуда это было вырвало... Медынин замазал цифры какой-то жидкостью... Теперь вы видите?..

— Что? — подошел ко мне следователь.

— Что-то недосказанное, о котором вы упоминали, может выясниться... Помогите мне...

* * *

С утра шел дождь, судя по стуку капель в водосточной трубе и тому куску хмурого неба, который мне был виден из маленького окошка с частой толстой решеткой... Я сидел около привинченного к стене столика и читал какую-то книгу; читал, чтобы заставить себя хоть на секунду забыть о том, что через несколько дней назначен суд, на котором я должен предстать, как убийца женщины из-за ящичка с драгоценностями... По газете, переданной мне одним из заключенных на прогулке, я узнал, что весь город полон разговорами обо мне. Медынина знают, он уважаемый человек, с хорошей репутацией, а я — грабитель и убийца, пробравшийся в дом, чтобы кровью добыть несколько тысяч рублей...

По целым дням я плакал и бился головой о стены... Как я молился, чтобы Бог послал мне смерть раньше, чем я должен буду выслушать обвинительный приговор и идти на каторгу, не зная, что я сделал и кому причинил кровавое зло...

Около камеры кто-то завозился, вздрогнул замок и вошел тюремщик:

— К следователю, — грубо сказал он, — да поживее...

Я оделся и вышел из камеры...

У следователя пришлось долго ждать. Дверь в его кабинет была закрыта и оттуда я расслышал еще чей-то голос, кроме следователя, тоненький — не то женский, не то детский... Я прислушался: где-то я слышал этот голос. Да,

я где-то слышал его... Я стал мучительно припоминать и был разбужен, как ото сна, мягким прикосновением следователя, который позвал меня к себе. Когда я вошел, около стола стояла какая-то бледная тоненькая девочка лет тринадцати-четырнадцати и быстро обернулась ко мне. Увидев меня, она резко отступила, и я заметил, как в ее детских голубых глазках мелькнула тень беспокойного страха и ненависти.

— Это он? — спросил следователь, входя и затворяя за собой дверь, — скажи, Валя, ты узнаешь его?

— Да, — наклонила голову девочка, — это он...

— Ты видела его?

— Да... Один раз днем он проходил по коридору... Я была за дверью...

— А потом?

— Потом... потом, тогда... в комнате мамы, — и губы у нее задрожали от сдерживаемых слез.

— Вы знаете, господин Агнатов, эту девочку...

— Нет, я не видел ее, — сказал я, оглядывая хрупкую фигурку Вали, — но я догадываюсь, кто она...

— Кто же...

— Она дочь этой женщины... убитой...

Девочка взглянула на следователя, потом на меня и опустилась на стул. Детские нервы не выдержали, и она горячо заплакала, стиснув маленькие ручки в кулаки...

— Зачем вы убили ее... Мама такая добрая... Она отдала бы вам деньги... и бриллианты, которые вы взяли... Все отдала бы... Мамочка, мамочка...

Я видел, как у следователя краснели глаза, и сам не мог произнести ни слова: от всего этого ужаса у меня сердце делалось, как каменное... Я только боялся, чтобы не было больше ничего, что еще раз заставило бы меня перенести такую же минуту...

— Валя! Расскажи еще раз, что ты видела, — попросил следователь, подавая ей стакан воды, — успокойся и расскажи.

Девочка отпила несколько глотков и, комкая платок, начала говорить.

— Мы с мамой легли в этот вечер рано... Доктор велел мне сказать Николаю, что мама хворает и чтобы он не беспокоил нас...

— А мама об этом знала? — спросил следователь.

— Нет, — покачала головой Валя. — Да она и не хворала, просто скучала что-то... А я всегда боялась не исполнять то, что велел доктор... Он такой злой... Мы быстро уснули. Потом ночью мне захотелось пить, и я проснулась. Спальня у нас разделялась на две комнатки. В большой спала мама, в маленькой я... Когда я потянулась за водой, в это время я услышала чей-то голос около двери и у окна...

— Чей он был? — спросил я. — Валя! Запомнила ли ты?..

— Дальше, — сказал следователь, — не перебивайте ее... Что он говорил? Хорошо ли ты помнишь, Валя?

— Хорошо... Я как сейчас помню каждое слово... Сначала было слышно только, как отворили окно, потом я услышала: «Иди!»

— Потом, — вцепившись в ручки кресла, снова перебил я, — потом...

— Потом снова было тихо и тот же голос повторил: «Иди, делай, что я велел...» Потом кто-то быстро отворил окно, выпрыгнул в комнату и сейчас же закричала мама... Страшно закричала... В ту минуту за маминым криком, около двери, тот же голос сказал дальше: «Убей и ту! Иди, делай...» Тогда я отворила свое окно и стала из него спускаться вниз... Дверь в мою комнатку отворилась и вошел вот он... — она показала на меня. — В руках у него был топор... Весь он в крови был..

— Он заметил вас?..

— Нет... В комнате у меня горел ночник и было светло, только...

— Что? — спросил следователь.

— У него глаза были закрыты...

Крик ужаса вырвался у следователя.

— Валя? — спросил я, подавленный тем, что мне пришлось услышать, — ты помнишь, чей это голос ты слышала у двери?

— Да... Доктора...

— Медынина? — быстро спросил следователь.

Девочка наклонила голову.

Несколько минут никто из нас не сказал ни слова — ребенок, у которого убили мать, следователь, стоящий около убийцы и не веривший в его виновность, и человек, который убил и ничего не помнит...

— Валя, где ты была потом? — спросил следователь, нарушая молчание.

— Когда я спустилась по крыше из окна... до земли невысоко... я убежала в лес... около дома. Там раньше был старый погреб... Там я была почти целый день...

— Валя, вы видели после этого Медынина... доктора? — спросил я девочку.

— Утром я видела, когда вас еще не увели из дома... он выбежал из ворот, побежал в лес... Он кого-то кричал... мне показалось, что он звал меня, только я не шла, потому что боялась...

— Было у него что-нибудь в руках?

— Да... кажется, топор...

Мы со следователем переглянулись. Он стал что-то чертить на бумаге.

— Так были расположены комнаты? — спросил он одновременно меня и Валу. Мы взяли чертеж и внесли свои поправки. Вот приблизительно место, где разыгралась вся драма.

— Так? — спросил следователь.

— Так, — ответили мы с Валей.

— Хорошо... Теперь прощайте пока, — кивнул он мне головой, — я проведу вас до конвойных...

Когда мы вышли в приемную, где сейчас не было ни души, следователь схватил меня за руку и крепко пожал.

— Не падайте духом, — дружески сказал он, — я добьюсь до истины.

— Спасибо... Но как? Как вы докажете? — убито спросил я. — Ведь все против меня...

— Нет, нет... Я заметил кое-что... Если я нападу на одну нить, я прослежу до конца.

— Но убийца... Кто же в конце концов убил?.. Кто ударил топором эту женщину?..

— Вы, — отвернувшись, кинул следователь, — это невозможно отрицать...

— Как же вы говорите, что...

— Я ищу настоящего убийцу, — твердо сказал следователь, — и найду его... Прощайте...

Через два дня я снова был у судебного следователя. Меня проводили в кабинет и я дожидался в сумерках догорающего дня, когда следователь вернулся домой.

Прошло четверть часа, и он вышел в кабинет, чем-то взволнованный, и с жадностью закурил папироску.

— Я снова вас вызвал, — отрывисто сказал он, стараясь придать своим словам тон официальности, — мне нужно еще кое-что спросить у вас.

— Пожалуйста, — грустно сказал, я, — только я ничего не знаю, ничего не помню... Уже доказано, что я убийца, остается только судить меня и отправить на каторгу...

— Послушайте, — вдруг порывисто заговорил следователь, подымаясь с кресла, — я клянусь вам, что первый раз в жизни мне приходится так разговаривать с подсудимым... В первый раз у меня такое дело... А не могу, пони-

маете, не могу его вести так, как вел все... Я поступаю противозаконно, я превышаю свои права, но я хочу вырвать вас из этого кошмара, потому что вы первый убийца, который...

— Все-таки убийца? — бледнея, спросил л.

— Да, да, убийца, потому что убили вы... но убийца невиновный, как охотник, убивающий в темноте товарища... Больше того, как слепой, который не видит, что делает...

— Но что же делать?! — в отчаянии спросил я.

— Ждать и работать дальше.... Слушайте! Если бы кто-нибудь узнал то, что хочу сделать я сейчас, я, может быть, сам бы был на скамье подсудимых, но я хочу и во что бы то ни стало заставлю Медынина говорить правду...

— Вы арестуете его? — радостно спросил я.

— Вы рассуждаете, как ребенок, — сухо ответил следователь, — *у меня есть улики против него, как сообщника... Из дела, из показаний ваших, Вали и Николая, я вижу, что он был подготовлен к убийству и не оставался безучастным, но нужно заставить его еще раз подтвердить это и добиться новой лжи, чтобы ваш защитник мог построить на этом свою защиту...* Я не имею права нарочно запутывать свидетеля, каковым только сейчас является Медынин, но когда я убежусь, что он убийца, да еще так подло действовал вашими руками — я должен допустить все...

— Что же мне делать...

— Идти в соседнюю комнату. Оттуда вы услышите и увидите все. В течение этого часа я вновь опрошу всех, кто был на этой усадьбе в день убийства...

— А Медынин?.. — глухо спросил я.

— Медынин здесь. Я сейчас попрошу его сюда.

Я встал со своего места.

— Где он?

— Не волнуйтесь. У меня много комнат. Ну, идите и слушайте... Помните, что сейчас вы не обвиняемый, а мой помощник, чтобы распутать этот клубок... Идите отсюда... Оставьте дверь немного приоткрытой... Я зажгу здесь свет, вы будете в темноте и не пророните ни одного слова...

Я посмотрел на него благодарным взглядом, вышел из кабинета в соседнюю комнату и замер около двери...

[V]

Я невольно отшатнулся от двери, когда в кабинет вошел Медынин и вежливо поклонился следователю и беспокойно огляделся по сторонам.

— Я побеспокоил вас, господин Медынин, — сказал следователь, снова закуривая папироску, — но мне нужно вас еще спросить кое о чем, чтобы представить суду окончательное следствие... Убийца в тюрьме и скоро, надеюсь, он понесет наказание...

— Бедный молодой человек, — спокойно проговорил Медынин, — мне в глубине души даже жаль его, несмотря на горе, причиненное им мне...

— Я боюсь, что мне придется вас огорчить еще больше, — мягко сказал следователь, — вы давно не были в вашем имении?

— Я выехал оттуда в день убийства...

— Так, значит, вы не знаете? — спросил следователь, смотря в глаза Медынину. — Ничего не слышали?

— Что? — с испугом спросил Медынин.

— О том, что дочь убитой...

— Нашлась? — бледнее вскрикнул Медынин.

— Убита, — тихо проговорил следователь.

Я не мог точно рассмотреть лица Медынина, но по тону его дрожащего голоса я почувствовал, что эта весть радостно кольнула его в сердце.

— Где? Когда? — переломив себя, огорченным голосом спросил он.

— Несколько дней тому назад нашли ее полуразложившийся труп... Недалеко от вашей усадьбы. А в десяти шагах от нее — топор, которым...

— Какой топор? — глухо спросил Медынин.

— Которым убита ее мать. Тот самый топор...

— Как же он попал туда, — опутив глаза, проговорил Медынин, — как же...

— Очевидно, убийца, не найдя девочки, которая бежала, бросился разыскивать ее в лесу... Так могло случиться, господин Медынин? — медленно сказал следователь.

Медынин на секунду задумался. Потом, видимо, какая-то мысль блеснула у него в голове, и он ответил:

— Могло... Да, так могло случиться... Агнатов, не найдя девочки, мог броситься за ней в лес... Да, так могло...

— Да... Я совершенно забыл, — как будто вспомнив что-то, сказал следователь, — что ведь первый раз топор нашли у Агнатова стражники, когда его допрашивал становой в вашем кабинете, так что топор мог быть вынесен из дома только в момент вопроса Агнатова... Вы не помните, в это время никто не выходил из дома?

— Нет, — твердо произнес Медынин. — В доме были стражники, становой, я и Николай, которого в это время тоже допрашивали...

— Так, так, — задумчиво произнес следователь, — скажите, господин Медынин, в день убийства каково было здоровье убитой?

Медынин немного помолчал, потом ответил:

— Она хворала.

— Откуда вы знали это?

— Мне говорила Валя...

— Часто ли она хворала?

— Часто.

— Лечили ли вы ее?

— В этот день... убийства... я велел Николаю, чтобы он ночью еще запряг лошадь и съездил рано утром за доктором...

— Так что узнав о убийстве, вы велели распрячь ее?

— Нет, Николай поехал в соседнее село за становым и стражниками.

— Скажите, а раньше приходилось вам так рано посылать за доктором?

— Нет, — резко ответил Медынин, — не приходилось. Разве это относится к делу?

— Нет, это простое любопытство, — так же резко произнес следователь, — меня очень интересует это дело... Но, простите, — мягко добавил он, — я вас, кажется, утомил...

— Пожалуйста, пожалуйста, — вежливо-суховато кивнул головой Медынин, — я к вашим услугам...

— О, тогда я еще немного спрошу у вас, но пока... Пока я попрошу вас подождать меня в приемной... Мне нужно посмотреть кое-что в протоколе убийства.

Следователь проводил Медынцева до приемной, в которой я мельком заметил дежурившего полицейского, и плотно притворил дверь. Отойдя от нее, он быстро вошел в комнату, где стоял я, и спросил:

— Слышали?

— Ну? — нервно спросил я. — Я ничего не понимаю...

— Потом поймете... Слушайте дальше...

Он позвонил, вошел полицейский, которому он что-то сказал. Тот кивнул головой и вышел, а через несколько минут в кабинет из боковых дверей вошел Николай.

Кабинет следователя сообщался с другими помещениями в квадрате, приблизительно так:

Медынин, сидя в приемной, дверь из которой была закрыта, не мог ни слышать разговора, ни видеть разговаривающих.

— Садитесь, — кивнул головой на кресло следователь.

— Ничего... Я постою, — робко сказал Николай.

— Скажите мне, — спросил следователь, роясь в бумагах, — хорошо вы помните все, что произошло в эту ночь?..

— Может, забыл немного чего, — тихо сказал Николай, — а так, кажется, помню все...

— Скажите мне — где находится у вас конюшня в усадьбе?

— Да на заднем дворе...

— А куда выходит окно из комнаты убитой?

— На передний двор... К воротам...

— Где вы держите лошадь, когда запряжете ее, прежде, чем подать к крыльцу...

— Да там же... На заднем дворе. К столбу привязываем...

— А где в эту ночь была лошадь?...

— Барин приказал ее ночью запрячь и на передний двор вывести... Привяжи, говорит, ее к воротам, а сам постой... Может, рано ехать надо будет... Барыня хворает...

— Ну, а если бы вы оставили лошадь на заднем дворе у конюшни, куда бы вы пошли?..

— К себе.... Спать бы лег...

— И не могли бы очутиться в коридорчике у комнаты убитой?

— Да зачем же я туда бы пошел?..

Следователь несколько секунд молчал, что-то чертя пером на бумаге.

— Вы точно помните, что когда убийца влезал в окно, у него что-нибудь было в руках?..

— Помню. Топор был...

— А когда вы были в коридоре и он выходил из комнаты, у него в руках ничего не было? Вы, кажется, так раньше показывали.

— Так... Ничего не было...

— Он пошел к себе в комнату?

— Да. К себе...

— Вы сейчас же вошли в дом, как услышали со двора крики?

— Сейчас же..

— Барина около комнаты убитой не было?

— Не было...

- А кто же вам сказал, что надо ехать за станovým?
- Барин.
- А где же вы его увидели?
- Стою я в коридорчике... Прошло с четверть часа, а потом слышу, барин выходит из своей комнаты, идет ко мне, увидел и говорит...
- Удивился он, когда увидел вас?
- Да не знаю, ничего, кажется...
- Ну, что же он сказал?
- На, говорит, Николай, письмо... Отвези его скорее в село к становому... В доме несчастье...
- Погодите... Вы были в коридорчике у двери в комнату убитой, когда в комнате был Агнатов?
- Так точно...
- За это время, пока Агнатов был там в комнате, никто не входил?
- Никто.
- А в промежуток времени, когда Агнатов вышел, а Медынин увидел вас, тоже никто не входил туда?
- Никто...
- Значит, Медынин сказал вам о несчастье в доме, выйдя из *своей* комнаты?..
- Да, из своей...
- Хорошо... Когда вы уехали, значит, в доме остались Агнатов и Медынин...
- Да.
- Что делал Медынин в то время, когда вы уезжали?..
- Барин стоял на террасе и смотрел, как я уезжаю...
- Долго смотрел?
- Не помню уж, ваша милость...
- Так, так!.. Ну, а в то время, когда он смотрел на вас с террасы, никто не мог снова пробраться в комнату?
- Нет, не пройдешь... Дверь-то с террасой рядом... Следователь начертил что-то на бумажке и подал Николаю.
- Так расположено?
- Николай посмотрел на бумажку и кивнул головой.

— Теперь скажите мне, — спросил следователь, — когда стражники приехали, ворота за ними вы закрывали?

— Становой велел. Запер.

— А когда они вводили Агнатова, ворота-то заперты были?

— Ворота? — переспросил Николай и вдруг с изумлением посмотрел на следователя. — Ворота-то ведь в это время открыты были...

— А из комнаты кто-нибудь выходил?

— Из комнаты?... Барин только куда-то ходил... А больше никто...

— Вы свободны, — сказал следователь, — можете идти... Нет, нет, не в приемную... Опять в ту комнату и пошлите мне девочку...

— До свидания, господин следователь...

Стоя за дверью и вслушиваясь в каждое слово, произнесенное в кабинете, я совершенно терял голову. Что могли дать эти показания, раз они в конце концов сводились к тому, что убил все-таки — я. Я выходил из комнаты, меня нашли окровавленным, мой топор...

— Войди, войди, — донесся до меня ласковый голос следователя, — иди сюда, малютка...

Он поднялся с кресла, подошел к вошедшей девочке и погладил ее по голове. Насколько я мог заметить, в течение нескольких дней, когда я не видел ее, Валя еще больше по-

бледнела и детское личико сделалось каким-то скорбно-серьезным...

— Грустишь, Валя?— спросил следователь.

Валя отвернулась и заплакала.

— Ну, не плачь, детка... Я не буду тебя волновать... Скажи, Валя, ты знаешь, где мама прятала бриллианты?

— Знаю, — сквозь слезы отвечала девочка.

— Где?..

— У себя в комод, в верхнем ящике.

— Он был заперт?

— Да.

— А у кого был ключ?

— Ключи были у мамочки и у доктора.

— Почему ты думаешь, что у доктора, детка?

— А потому, что когда мы приехали и мама потеряла какой-то ключ, доктор сказал ей, мамочке, что если потеряет, то у него есть другие....

— В эту ночь мама тоже заперла комод?

— Да.

— А куда она дела ключ от него?..

— Как и всегда, — отдала перед сном мне... Она всегда говорила, что боится, когда ключи с ней...

— А что сделала ты с ним, Валя? — быстро спросил следователь. — Где он?

— А разве он нужен?

— Неужели он у тебя?

— Я думала, что ведь это воры лезут к мамочке и убежала с ним, — покраснела Валя.

— Значит, ключа в комнате не осталось?

— Нет.

— Странно, — сказал следователь, повертывая голову в мою сторону, — а ведь комод не взломан, а открыт ключом... Ну, прощай, детка...

Валя ушла.

В эту же минуту следователь подошел к моей двери и позвал меня.

— Все слышали?

— Все, — кивнул я головой.

— Что же скажете?

— Что я скажу? — горько сорвалось у меня. — Что все эти люди, которые были здесь, считают меня убийцей... Что, положив руку на сердце, Николай может поклясться, что видел, как я вхожу в комнату убитой; Валя видела меня почти в момент убийства; Медынин может подтвердить, что он видел кровь на моих руках... Словом, что я убийца, убийца, убийца...

Я с каким-то озлоблением повторял это слово, чувствуя, что оно, как молот, бьет меня по голове.

— И они не ошибутся, — грустно сказал следователь.

— Что убийца — я?

— Да, — так же ответил он, — суду не часто приходится иметь дело с такими загадочными убийствами по приказанию сильной воли слабой... Убийства, жертвой которого очутились вы...

— Значит, я убийца, — тупо повторял я, — меня отправят на каторгу...

— Надеемся, что судьи поймут, — мягко бросил следователь, — здесь многое слишком ясно... *Они найдут настоящего убийцу...*

— А если нет? — почти закричал я.

— А если нет... тогда...

— Я знаю, что тогда, — как стон, вырвалось у меня из горла, — и я, обессиленный, упал в кресло и зарыдал, задыхаясь и ломая пальцы...

Случайно я заметил, как следователь наклонился надо мной и по одной из морщинистых щек сухого чиновника, ставшего на время только человеком, тоже скатилась крупная слеза.

Сегодня мне подали обвинительный акт. Я не буду приводить вам его: если вы прочли внимательно записки, вы знаете его содержание...

А через несколько дней будет суд. Целую жизнь не запятнавший себя никогда бесчестным поступком или корыстной гадостью человек, перед которым, быть может, была впереди хорошая, трудовая и светлая жизнь, я — Сергей Николаевич Агнатов, — предстану пред судом в качестве убий-

цы женщины, убийцы из-за ящичка с бриллиантами...И когда будут читать обвинительный приговор, каждый человек, кто только будет находиться в суде, станет смотреть на меня и думать: вот эти руки были в крови, это лицо склонялось над хрипящей, умирающей женщиной, эти глаза смотрели в потухающие глаза убитой...

Кто спасет меня от этого ужаса? Кто разматывает этот клубок кошмарных событий, кто поймет, что я — убийца, который не помнит, — достоин только сожаления, а не каторги?..

Кто сумеет доказать, что я, случайный убийца, — невиновен, и найдет настоящего убийцу, доказав его вину?...

ДЕЛО КАНАДСКИХ ГРАБИТЕЛЕЙ

(Новое приключение Шерлока Холмса)

— Ватсон, — шепнул мне на ухо Шерлок Холмс, — с этой дамой случилось несчастье.

— Откуда вы знаете? — с изумлением посмотрит я на него.

— Дедуктивный метод, — хладнокровно ответил сыщик. — Она плачет.

— Но почему же вы думаете, что она плачет от несчастья? — пораженный его доводами, пробормотал я.

— О, мы, сыщики, должны быть внимательны ко всему... Войдя в комнату, она сказала: «Сударь, со мной случилось несчастье». Сопоставьте ее заявление и слезы, и вы поймете, что я прав.

— Да, да, — преклоняясь перед ним, сказал я.

— Сударыня, — сказал Шерлок даме, — скажите, что привело вас сюда...

Дама приложила платок к глазам, одним усилием воли сдержала истерический крик горя и ответила:

— Один рубль десять копеек.

— Наследство? — быстро схватывая ее за руку, спросил Шерлок. — Украли?

— Отдала. Сама. Везде то же самое.

— Кому?

— Ему. Фамилию сейчас забыла. Рядом с нами. Высокий, рыжий.

— Записывайте, Ватсон: высокий, рыжий. Требовал и угрожал?

— Откуда вы знаете? — с удивлением, в котором сквозил ужас, спросил я.

— О, мы сыщики. Что у него было в руках, сударыня?

— У него? Ветчина.

— Записывайте, Ватсон. Это первый случай в моей практике — убийство ветчины.

— Докажите, что он жулик, господин Холмс, — умоляюще произнесла дама, — сделайте это ради моего малютки-сына, исключенного из университета за невзнос платы, и ради моего малютки-мужа, лишившегося места в кредитной канцелярии...

— Сударыня, — сказал Шерлок Холмс, — я сделаю все, что смогу ...

* * *

— Это работает шайка канадских подкальывателей, — хмуро сказал Холмс, когда женщина ушла. — Том Джонс, человек с рваным ухом, и его шайка... Я накрою их... Ватсон, кто-то звонит...

— Телеграмма...

— И ее, конечно, принес не ученик консерватории, а телеграфист...

— Шерлок... Откуда...

— О, мы сыщики... — Он быстро пробежал телеграмму и, побелев, тяжело опустился в кресло. — Ватсон, преступление разворачивается... Среди белого дня, на Невском, с человека взяли полтора рубля за фунт сливочного масла...

— Вы шутите, — не веря собственным ушам, произнес я, — не может быть. Ведь около Петрограда десятки вагонов с прекрасным сливочным маслом... Полиция...

— Полиция? — раздраженно сказал Холмс. — Что вы мне говорите... Шайка канадских грабителей сильнее полиции... Кто-то идет, Ватсон...

— Письмо. Почерк неразборчивый.

— Это пишет Джим, моя собака, которую я дедуктивным путем научил писать на почтовой бумаге.

Он вскрыл конверт и громко произнес:

— Преступление...

— Продолжается?

— Развивается, Ватсон, бешеными шагами... Джим пишет, что он проследил за старухой, с которой взяли шесть гривен за десяток яиц ...

— В безлюдном переулке, осенней ночью, когда темное небо, нависш...

— Днем. На Садовой! — резко кинул он.

— Преступник бежал?

- Торгует. О, Том Джонс, — опасная штука...
- Но ведь, подъезжая к Петрограду, мы видели вагоны, наполненные яйцами...
- Джонс задерживает их на станции...
- Но городское самоуправление...
- Агенты Джонса, канадского разбойника, дорогой Ватсон, вездесущи... Они в тех местах, где даже...
- Кто-то стучится...
- Это стучится мужчина.
- Почему вы думаете? Я поражен до глубины...
- Ах, это так просто, — почти с досадой кинул великий сыщик. — Он говорит за дверью басом. На моей практике был только один случай, в Небраске, чтобы женщина говорила басом. И то это оказалась не женщина, а негодяй Баукинс, которого повесили... Что там?
- Записка...
- Дайте... Ватсон, я теряю голову. Они хитрее меня. Новое преступление на окраинах Петрограда. Громадная партия дров исчезла на глазах у толпы. Остатки продавались по восемнадцать рублей за сажень...
- Может быть, поедем сами?..
- Едем, — коротко сказал он, — сыщик должен быть первым на месте преступления.

* * *

Мы вышли на улицу.

— За нами следят, — шепнул мне Шерлок, — нужно быть осторожным. Сейчас я проверю, нет ли поблизости молодцов из шайки Джонса. Извозчик!

— Куда прикажете?

— Невский, угол...

— Рупь.

Шерлок метнулся в сторону и оттащил меня.

— Это Джек Пятнистый, один из главарей... Дальше.

Через две улицы, около какого-то магазина, мы увидели толпу людей, мрачно стоявших друг за другом. Впускали в полуприкрытые двери магазина по одному.

— Здесь творится что-то неладное... В чем дело? — спросил он у одного из толпы. — Сознавайтесь. Только при этом условии вам будет дарована свобода.

Тот схватился за сердце, пошатнулся и заплакал.

— О, не сердитесь. Я не виноват. Это очередь за сахаром.

— Вы врете, сэр, — холодно сказал Шерлок, — я знаю, что в Петрограде громадные залежи сахара. Вы врете.

— Честное слово. Здесь его продают на три копейки дороже.

— Почему же вы не кричите?

— Благодарю вас. Кричали.

— Идем, Ватсон... Я теряю голову... Скорее...

* * *

— Вы подождете здесь, — сказал мне Шерлок у фруктового магазина, — я сейчас вернусь.

Он быстро нырнул в магазин, приняв вид беззаботного портового извозчика, а я, закрыв зонтом ноги от любопытных взглядов, стал дожидаться. Не прошло и двух минут, как Холмс резким прыжком вынырнул из магазина и глухим шепотом кинул мне:

— Ватсон... Они и здесь...

— Джонс?

— Его ребята... Я попросил десять плохих яблок...

— Сколько? — с дрожью в голосе спросил я.

— Два рубля.

— Стальные наручники были с вами?..

— Ватсон, Ватсон... Мое имя посрамлено... На моих глазах негодяй бросился на какую-то даму и взял с нее четыре рубля за десяток гнилых груш... Я сам едва успел выско-
чить...

— Что делать, Шерлок...

Он печально посмотрел на меня и грустно покачал головой:

— Ватсон... Шайка канадских грабителей сильнее Холмса... Здесь замешан Мориарти... король преступников, мой злейший враг... Идем же домой.

* * *

Ночью мы были разбужены звоном стекол. В комнату влетел громадный булыжник, завернутый бумагой.

Гибким ягуаром средних лет Шерлок бросился к камню, развернул бумагу, прочел и передал мне.

— Я приговорен к смерти, — сказал он, берясь за скрипку и играя одну из Мендельсоновских вещиц Грига, — Ватсон, где мой смычок...

Я просмотрел бумагу.

— Шерлок, — дрожащим голосом и вежливо сказал я, — вас приговорила к смерти дровяная комиссия.

— Это общество перекочевало из долин Иллинойса в Европу. Мне уже не раз приходилось сталкиваться с ними. Помните труп в двух сундуках на борту «Ориноко»?

Как бы в ответ на эти слова электричество потухло, дверь раскрылась, и чья-то рука, высунувшись, прибила к дверям маленькую записку.

— Зажгите свет, Ватсон, — спокойно сказал Шерлок Холмс, — если вас не убили.

— Нет, дорогой друг. Я жив.

— Это не первый случай в моей практике, когда люди, которым не грозила опасность, оставались живы. Зажгли? Теперь прочтите... Не беднейте. Читайте вслух...

— Тайная организация Фруктовщиков... Яичников... Молочников...

— К смерти?

— К ней.

— Ватсон, мы должны уехать отсюда. Канадские грабители торжествуют. Здесь сила в их руках. Холмс бессилен. О, Том Джонс... Мы еще с тобой встретимся...

* * *

После этого мы часто вспоминали с Холмсом о делах шайки Джонса в Петрограде. Мы уличили одну коронованную особу в краже серебряных ложек, раскрыли в Берлине притон награбленных в разных концах Европы вещей, арестовали шесть убийц старух, бросавших в них сверху бомбы, проследили организацию душителей ядовитыми газами — но каждый раз, когда имя Холмса покрывалось новым ореолом славы, он вздыхал и сконфуженно говорил:

— А помните, тогда... Шайка канадских грабителей...

— Помните, Холмс, — утешал я его, — ваши последние дела...

— Ах, нет дорогой Ватсон, — с горечью отвечал он, — это были первые грабители, которых было так много, а меня так мало...

КОНЕЦ ШЕРЛОКА ХОЛМСА

(Из записок доктора Ватсона)

Я никогда не ожидал, что моему другу Шерлоку Холмсу всего в несколько дней предстоит так бесславно пасть в глазах общественного мнения, но, увы! — это так. Лучше было бы моему другу пасть от предательской руки наемного убийцы, чем позволить восторжествовать над собой злейшему его врагу, профессору Мориарти, — но последний поставил на карту все и выиграл ставку.

Шерлок Холмс уже давно стал замечать, что Мориарти что-то замышляет, и несколько дней был озабочен. Впрыскивал морфий и играл на скрипке. Потом, как это бывало всегда, его охватила кипучая деятельность. Он переодевался рыбаком, чтобы попасть на фешенебельные балы Уайтчепель-Сити, заgrimировывался старой продавщицей гнилых яблок, чтобы быть не замеченным в literной ложе Дарлинг-Холла, но все было напрасно.

— Моя песня спета, — с грустью сказал он в один из вечеров, из предосторожности закуривая сигару с обратного конца. — Мориарти задумал что-то слишком серьезное.

— Вы победите, Холмс, — твердо ответил я, вставая с постели, чтобы пожать ему руку, — вы победите.

— Посмотрим, — загадочно произнес он. — Скоро борьба начнется.

И, не меняя тона, он загадочно лег спать. Борьба действительно началась.

* * *

Ночью мы были разбужены резким звонком.

— Это звонит Грегсон, — уверенно сказал Холмс, просыпаясь.

— Почему вы думаете? — с удивлением спросил я.

— Посмотрите на колокольчик, — кивнул головой Шерлок на прихожую.

— Я не вижу.

— Посмотрите на часы.

— Смотрю. Два ночи.

— Вы не наблюдательны. Читайте.

И Шерлок показал мне записку: «Ровно в два буду. Грегсон».

— В нашей профессии ничего нет загадочного, милый Ватсон, — снисходительно улыбнулся Холмс. — Нужно только идти путем умозаключений. Войдите, Грегсон.

Никто не входил. Я побледнел и схватился за револьвер.

— Достаньте, Ватсон, валерьяновых капель. За дверями женщина. Она волнуется и не решается войти. Войдите.

Дверь отворилась, и на пороге показался громадный рыжий мужчина, с большим пятном крови на ладони.

— Это вы — Шерлок Холмс?

Мой друг осмотрел прибывшего с ног до головы и кинул:

— Я. Садитесь. Вы каменотес?

— Меня зовут Джемсом Кеннером. По профессии — убийца малолетних. Вы расследуете дело об убийстве старухи в домике у Реджинальд-Парка?

— Вас это интересует?

Я увидел, что глаза у Холмса загорелись особым огоньком.

— Немного. Старушку-то я убил.

Я опустил на стул. Холмс вздрогнул.

— Расскажите подробности.

— Да тут и подробностей никаких не было. Вошел через открытую дверь, ударил дубинкой, а деньги взял.

Холмс посмотрел на Джемса Кеннера и покачал головой:

— Убийца не вы.

— Вот тебе раз, — возмутился Кеннер, — чай, мне лучше знать.

— Неправда. Вы подсланы Мориарти.

— Это — к вам, от Мориарти. А старушку по собственному почину. Своя, так сказать, инициатива.

— Докажите.

— С нашим удовольствием. Наручники сейчас наденете или после?

Через полчаса мы были на месте происшествия, в домике у Реджинальд-Сквера. Грегсон, Холмс, Кеннер и я вошли в дом, а полицейские остались у ворот.

Кеннер весело расхаживал по комнате.

— Отсюда вот вошел, — спокойно объяснял он, — шагнул через порог; старушка, значит, удивилась, да от меня. Здесь вот я ее догнал и доконал по голове.

— Негодяй говорит правду, — прошептал Холмс. — Кеннер! Почему вы сознались?

— Да что же не сознаваться-то? Кабы не убийство, а то дело чистое. Убил и сознался.

— Вас повесят, — вежливо вставил Грегсон.

— Да, за такие дела по головке нельзя гладить, — охотно согласился Кеннер. — Повишу за старушкино здоровье.

Холмс стоял хмурый.

— Погода в этот день была грязная, — нерешительно сказал он, посматривая на пол, — и вы долго ходили по улице.

— Это верно. Дождина был здоровый, а я пешком припер.

— Скотина, — шепнул Холмс, — все из-под рук вырывает... Ушли вы из дома...

— Через четверть часа. Парадным ходом.

Кеннер немного помолчал, посмотрел на часы и зевнул:

— Ну, в тюрьму, так в тюрьму... Время детское, отправить еще и сейчас успеете...

Когда мы вдвоем подъезжали к дому, Шерлок закурил трубку:

— Мориарти пустил в ход небывалое оружие. Я погибаю.

* * *

Не успели мы отдохнуть от потрясений этой ночи, как через четыре дня весь Лондон потрясло известие о кошмарном убийстве в отеле «Средней Козы», где жертвами пали

старик-отец с одним законным и двумя побочными сыновьями.

Грегсон позвонил сейчас же, как только полиции стало известно об убийстве.

— Приезжайте, — взволнованно говорил он. — Нас не пускает в гостиницу хозяин. Он уверяет, что он сообщник, и ему не приказано никого пускать в комнаты убитых до вашего приезда.

— Нужно взять револьвер, Холмс?

— Не берите, — грустно прошептал мой друг. — Он нам, кажется, не понадобится... Едемте.

У ворот нас дождался кеб. Кучер наклонился к Холмсу и громко сказал:

— Скорее, сэр. Я уходил из дома последним, едва успев покончить с младшим из семьи, и каждую минуту туда может войти полиция. Она отнимет у вас честь раскрытия преступления.

Не раз нам приходилось переживать жуткие минуты, но ехать среди белого дня в кебе, управляемом сенсационным убийцей, — это было слишком.

В комнате убитых мы застали полный беспорядок. Я посмотрел на Холмса: он стоял бледный, с дрожащими руками. Тяжело вздохнув, Холмс опустился на колени и, посмотрев на след, оставленный грязной ногой, с ужасом схватился за голову.

След был тщательно очерчен мелом, а около него лежала приколотая кнопкой записка: «32 сантиметра. След мой. Ботинки покупал на Бридж-Авеню в Универсальном магазине, у приказчика с рыжей бородой. Вильям Стрэд».

— Ватсон, я с ума схожу...

Мы осторожно подошли к подоконнику. На нем лежал окурок, а около окурка чьей-то неторопливой рукой было написано: «Окурок мой, сообщника. Улица Пятерых, д. № 5, в подвале, вызвать через Джима, по прозвищу Зеленая Крыса. Дома от 4 до 6. Самуил Брайтон, беглый каторжник».-

— Позовите прислугу отеля, — дрогнувшим голосом сказал Холмс, бессильно опускаясь в кресло. — А вы, Грегсон,

съездите по адресу Универсального магазина и допросите приказчика...

Когда лакеи отеля собрались в комнату, Шерлок окинул их пытливым взглядом и спросил:

— Кто был дежурным сегодня ночью?

— Я, сэр, — почтительно ответил самый молодой, с неприятным хищным лицом, — я и впускал убийц. У нас было условлено, что они придут на полчаса раньше, но они опоздали.

— Долго они здесь были? — упавшим голосом сказал Холмс.

— О нет, сэр, — ответил другой лакей. — Я все время стоял на страже, чтобы кто-нибудь не вошел. Всего четверть часа. Эти почтенные господа поумирали быстро.

— Не будь я Джек Спринт, за которым полиция гоняется четыре года, — воскликнул третий лакей, — если кто-нибудь умирал быстрее этих молодых джентльменов.

— Целью было ограбление? — отвернувшись в сторону, спросил Холмс.

— О да, сэр. В несгораемом ящике мы оставили записку, сколько нами взято денег, а также подробный адрес лица, у которого эти деньги хранятся.

Через несколько минут вернулся Грегсон.

— Я виделся с приказчиком. Лицо, купившее ботинки, оставило у него свой адрес и просило сообщить о нем полиции. Это Вильям Стрэд.

— Не забудьте, что я убивал, — раздался сзади нас голос.

Мы обернулись. Перед нами стоял кучер нашего кеба.

— И я человек, — добавил хозяин отеля, входя в комнату, — и меня забывать не надо. Не знай я обо всем, ничего не произошло бы. Фамилия моя — Бриджерс. Судился четыре раза.

— Делайте что хотите, Грегсон, — крикнул Холмс, затыкая уши. — Мориарти издевается надо мной... Если еще пять-шесть таких убийств, мне придется открыть табачную лавочку или сделаться маркером... Я должен чем-нибудь зарабатывать кусок хлеба...

И с истерическими криками он бросился на улицу.

* * *

Во время расследования следующего убийства, на которое Грегсон и его товарищ Лестрад позвали Холмса, убийца просто дожидался около трупа и читал газету.

— Как вы долго, — с укором обратился он к Холмсу. — Я уже и следы оставлял, и окурки бросал, и отпечатки с пальцев понаделал на всех стеклах, даже руку разрезал, чтобы отпечатки яснее были, а вы так опаздываете...

— Подлец, — с возмущением бросил Холмс, — от себя работаешь или от Мориарти?

— От него. Он сегодня к вам в шесть часов звонить будет.

Это оказалось правильным. Ровно в шесть часов раздался телефонный звонок, и трубка едва не выпала из рук Холмса, когда он приложил ее к уху.

— Здравствуйте, Холмс. Это я — Мориарти.

— Я сотру тебя с лица земли, — хрипло крикнул Холмс. — Я не арестую тебя сейчас, но когда придет время...

— Будет, Холмс. Вы обязаны меня арестовать. Я говорю в присутствии двух посторонних лиц, хозяина булочной и какого-то футболиста, что вы обязаны арестовать меня. Иначе я донесу полиции... Жду вас на четырнадцатой аллее Гайд-Парка. Приходите с Ватсоном и полицией.

— Я схожу с ума, — прошептал Холмс. — Он меня преследует... Одевайтесь, Ватсон.

Когда мы с Шерлоком, Грегсоном и дюжиной полисменов приехали на условленное место, Мориарти уже стоял там, дожидаясь нас, окруженный массой публики и репортеров. Холмс вплотную приблизился к Мориарти.

— Я бессилён, — задыхаясь от злобы, несмотря на свое хладнокровие, сказал Холмс. — Вы припрятали концы в воду, и я не могу вас арестовать. Но я доберусь до вас, когда у меня будут в руках данные...

— Об ожерелье леди Грахам? — спросил Мориарти.

— Вы, конечно, отправили его в Америку вместе с перстнем графа Пешбери?

— Ничего подобного, — и Мориарти опустил руку в карман, — вот ожерелье, вот перстень. А вот, кстати, и медальон убитого герцога Рококо. А вот браслеты графини Ам-пир.

— А... того... собственноручные убийства...

— Для двух виселиц хватит. Во-первых, убийство старого фермера в Пендзбере. Сам работал. Во-вторых...

— Грегсон, — сдерживая слезы отчаяния, пробормотал Холмс, — я, кажется, здесь лишний.

На другое утро репортеры больших газет оповестили о случившемся читателей поучительной заметкой, которая заканчивалась так:

«...нарядом полиции был арестован известный преступник, профессор Мориарти. При аресте присутствовало много посторонней публики. Среди присутствующих: Шерлок Холмс...»

* * *

Через полгода однажды утром я бесцельно бродил по улицам Лондона. Около Гайд-Парка я встретил какую-то процессию. То были безработные. И когда я ближе всмотрелся в проходящих мимо, я на мгновение увидел четкий профиль Шерлока Холмса.

— Холмс! — крикнул я.

Он обернулся, посмотрел на меня усталыми глазами и, по-видимому, не узнав, сказал:

— Может быть, сэр хочет предложить мне какую-нибудь работу? В этом проклятом Лондоне можно сдохнуть с голоду, не имея определенной профессии...

И, махнув рукой, он пошел дальше.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все тексты, за исключением пародии «Конец Шерлока Холмса», публикуются по первоизданиям с исправлением очевидных опечаток и некоторых устаревших оборотов. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

Все иллюстрации взяты из оригинальных изданий. В оформлении обложки использована работа Р. Каррера.

Дикий случай

Впервые: *Синий журнал*. 1913. № 12.

Человек в черных очках

Впервые: *Синий журнал*. 1912. № 32.

Неудачное дело

Впервые: *Всемирная панорама*. 1913. № 239/46.

Человек, который убил

Впервые: *Всемирная панорама*. 1913. № 229/36.

Человек в саване

Впервые: *Всемирная панорама*. 1913. № 241/48.

Убийца, который не помнит

Впервые: *Всемирная панорама*. 1913. № 271/26 – № 274/29, под псевд. «Л. Аркадский».

С. 87. ...цифра: 14 — Так в тексте, хотя выше номер страницы дан как 13.

С. 92. ...отвернувшись, кинул следователь — Здесь и на с. 100 в тексте ошибочно: «доктор».

Дело канадских грабителей

Впервые: *Новый сатирикон*. 1915. № 43, 22 октября.

Конец Шерлока Холмса

Рассказ написан в 1918 г. Публикуется по: *Антология сатиры и юмора России XX века*. Т. 40 (М., 2000).

Оглавление

Дикий случай	6
Человек в черных очках	21
Неудачное дело	31
Человек, который убил	40
Человек в саване	50
Убийца, который не помнит	57
Дело канадских грабителей	103
Конец Шерлока Холмса	110
Примечания	118

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какоголибо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.